

АЛЕКСАНДР
БУБЕННИКОВ

СВОБОДА ВЫБОРА
ФАТАЛЬНА

И СРЕДИ УЧЕНЫХ ЕСТЬ УБИЙЦЫ

Преступление в большом городе. Современный детектив

Александр Бубенников

Свобода выбора фатальна

«ЭКСМО»

2022

Бубенников А. Н.

Свобода выбора фатальна / А. Н. Бубенников — «Эксмо»,
2022 — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

ISBN 978-5-04-172021-6

Эта странная история началась на научной конференции в США, куда был приглашен русский физик-электронщик Брагина, и где его научными прорывными изобретениями заинтересовались ведущие американские фирмы. В один прекрасный день от Брагина в жесткой форме потребовали флэшку с записанными на ней программами и демо-версией его системного продукта. Русский ученый ответил отказом. Но охота на флэшку продолжилась уже после приземления самолета ученого в аэропорту Шереметьево... Крайне напряженный социально-психологический детектив из жизни современной научно-технической интеллигенции.

ISBN 978-5-04-172021-6

© Бубенников А. Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Часть II	14
Глава 4	14
Глава 5	17
Часть III	20
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Часть IV	27
Глава 9	27
Глава 10	30
Часть V	33
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Часть VI	41
Глава 14	41
Глава 15	44
Глава 16	47
Глава 17	51
Часть VII	53
Глава 18	53
Глава 19	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Бубенников

Свобода выбора фатальна

© Бубенников А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть I

Демон и «Фаталист» с обстоятельствами

Глава 1

Ему под утро приснился странный сон, в котором чернокрылый задумчивый Демон со сложенными крылами, точь-в-точь с рисунка из школьной книжки стихов Лермонтова, присел к его изголовью. И тихо выдохнул ему прямо в сердце с мокрыми от слез глазами: «Свобода выбора фатальна».

Он оцепенел. Во сне он понял то, что не мог, мучаясь над этим философским понятием – свободы выбора – понять наяву, в напоре внешних сил, обстоятельств, суетных обязательств и внутренних наваждений. А тут понял сразу сердцем, душой, легко и просто, и почему-то вдруг сильно захотелось удостовериться в том, что сказанное «чернокрылым» истина в последней инстанции – или все же сказанное только парадокс, игра веселого или надменного ума или вообще больного воображения?

Он попытался привстать, чтобы спросить «чернокрылого» обо всем прямо, глаза в глаза, но почему-то осознал всю нелепость ситуации со своими вопросами. Вот он встрянет со своим неудобным, не к месту, просто пошлым вопросом, нарушая звенящую тишину и удивляясь неестественности тембра своего расколотого голоса – он был уверен, что вопрос его прозвучит фальшиво и обидно для «чернокрылого», даже его звенящий от напряжения голос будет фальшивым. И все же, все же, раз есть возможность спросить, а потом не мучиться всю жизнь тем, что в нужное время в нужном месте не спросил о том, что так важно и необходимо знать – просто позарез.

Но демон уже распростер над его изголовьем свои черные крыла и снисходительно отрывался вверх, не удостоив беседы. Он не улетал, не взмахивал крылами, набирая высоту, тихо и плавно исчезал в предутреннем зябком пространстве, размывая в нем, теряя четкие очертания – вот и контуры крыл, всего облика испарились, исчезли, обнулились.

Не было уже в природе ночного, предутреннего черного гостя, но он все же, окончательно просыпаясь, догадывался, нет, не догадывался, знал сердцем, душой, что над ним, над всем тварным подлунным миром, сиротским, бесприютным, но все еще ищущим опоры в Отцовской любви, простирает черные крылья своеволия и безначалия Демон. Тот самый Лермонтовский Демон в своем безумном своеволии и бесстрашном безначалии отвергнувший себя от Отца, но в своем безумии все ещё скорбящий обо всем творимом на белом свете, Демон, не теряющей последней надежды на сочувствие и примирение – а надежда ведь умирает последней – не только у смертных, но и бессмертных.

Он, наконец-то, проснулся окончательно, вытер слипшиеся со сна глаза и подумал, как хорошо, что они не влажные и не мокрые от слез, как хорошо, что он не плакал с чернокрылым Демоном. А тот-то неужели и, правда, оплакивал его непутевую жизнь – только какую, прошлую, настоящую, будущую? И вдруг что-то оборвалось у него внутри – неужто он сейчас тоже готов оплакивать, пусть без слез, вместе с ночным черным гостем свою будущую жизнь? А он-то, казалось бы, многое потеряв, во многом разуверившись, именно сейчас, точнее, завтра, послезавтра, в ближайшем будущем так хотел прорваться в жизненном рывке, осуществиться в судьбинном предопределении, именно так, а не иначе, приняв сердцем чудо любви как творчества и творчества как любви. Да, чудо любви, да чудо творчества, только уже не мальчиком, но мужем. У него снова помимо его воли глаза затуманились, когда он мысленно поправил себя: «Не мальчиком, но мужем, мужем в ипостаси вдовца, когда вдовец не мог и надеяться на

любовь. Но и вдовцы влюбляются, оказывается, как мальчишки. И плакать способны от любви вдовцы седеющие, как мальчишки. И как Демон чернокрылый плакать горазды – только когда, только почему?»

Шлепая босыми пятками, он почти подбежал к книжному шкафу, раскрыл нужный томик Лермонтова с вложенной закладкой и, задыхаясь от прихлынувшего волнения, прочитал шепотом ледяными губами: «Хочу я с небом примириться, хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру...» И еще, ближе к самому началу: «Печальный Демон, дух изгнания летал над грешною землей... Давно отверженный блуждал в пустыне мира без приюта: вослед за веком век бежал, как за минутой минута, однообразной чередой. Ничтожной властвуя землей, он сеял зло без наслаждения. Нигде искусству своему он не встречал сопротивления – и жизнь наскучила ему...»

Читая, он оттер туманную влагу с глаз, чтобы легче было читать, непроизвольно чиркнул спичкой и закурил сигарету с дорогим, невероятно душистым табаком, чего не делал уже тысячу лет. Он, вообще, не курил, отдавая дань своему странному дару тонкого дегустатора вин, духов и табачных дымов, а также своей бурной спортивной юности. Но в последнее время, увлекшись изобретательством, позволял себе не только понюхать сигару, но и затянуться на один вдох зажжённой сигаретой или сигарой, под кофе или без оно, в пылу работы перед заветным выдохом при генерации прорывной идеи: «Ай, да Пушкин, ай, да молодец, пробил толщу неизвестного и непознаваемого».

И тут же, пустив струйку дыма, непроизвольно и отрешенно задумался о чем-то своем, потаенном. О том, что даже при встрече со своим Демоном во сне или наяву, в слезах или без слез, он желал бы полагаться не на слепой случай, но на творимую собой и внешними – Свыше! – обстоятельствами судьбу. «Лучше вызов и приговор суровой судьбы, чем прикол дурацкого случая, – подумал, шуря уже сухой глаз от сигаретного дыма. – Даже в бесподобном Лермонтовском «Фаталисте», когда между Печориным и Вуличем происходит, как бы, смысловая заочная дуэль и когда всё построено на предположении, заряжен пистолет или не заряжен, все приготовления к смерти, все надежды на выживание оставляет за собой не наивно-фатоватый драгунский капитан, но сама человеческая Судьба. И эти Лермонтовские Судьба и Демон совсем не литературные приемы, не средства эпатажа, а чудная попытка поэта выразить некий глубинный весомый опыт противостояния человеческой души и с вселенским злом, и с космосом добра, и со свободой выбора в смеси добра и зла. И какова же жестокая подсказка ночного чернокрылого супостата – свобода выбора не прекрасна, а только фатальна? Ключом и шифром подсказки Лермонтова, его Рокового Демона, является предопределение бытия и судьбы человека с фатальной неизбежностью событий, которые, независимо от свободного выбора человека, уже запечатлены наперёд. И предопределение с непреодолимым фатумом реально «физически» проявляются как изначально заложенные структурные свойства череды событийных точек пространства и времени «здесь и сейчас», от начала до конца зависящих друг и друга. Что бы ни предпринимал человек, всё равно его личная, абсолютно бескорыстная свобода воли попирается Фатумом, Роком, с его жёстким предопределением – не так ли?

Он потушил сигарету с шальной мыслью, мол, даже в студенческие и аспирантские годы не затягивался жадно утра, даже со смертью жены не зацепился, как утопающий за соломинку, ни за алкоголь, ни за курево – зная, благодаря своему дару «нюха», как легко может наступить пресыщение и даже отвращение. Он зацепился только за тонкую спасительную соломинку бесшабашного изобретательства, программирования и математического моделирования сложных физических и технологических объектов обозримой или далёкой научной перспективы, да и написание никому не нужных стихов «для души» в своих бесконечных раздумьях, численных экспериментах и командировках. А здесь ишь ты, подсказка чернокрылого супостата вырубилась мысленно напрочь, и дымить заставила. «Свобода выбора фатальна» – и точка.

Так ведь подсказал не кто-нибудь, а сам ночной печальный Демон, дух изгнания – зачем, почему именно сейчас, почему в слезах? Не над своей же судьбой он плакал? Если над моей судьбой плакал, то почему так горько и безутешно? Неужели и впрямь, вообще, свобода выбора есть, и всегда фатальна свобода выбора, в частности достойны только безутешного плача? Может и не прав со свободой выбора или прав только наполовину, на четверть с этой чертовой фатальной свободой выбора? А если бы ночной гость взял бы, да рассмеялся и захохотал над тобой, тебе было бы легче? Конечно, нет, еще было бы тоскливей и безнадежней – хоть хохочи, хоть плачь. Даже обидней и противней, когда над тобой, над твоей судьбой Демон хохочет, ржет, как сивый мерин. А он тихо и безутешно плакал, и глаза его были мокрые от горьких слез. Есть ли он, вообще, в природе этот печальный чернокрылый Демон или это только порождение воображения юного гениального поэта, погибшего от выстрела бездарного Мартынова? Ведь поэт писал своего Демона чуть ли не всю жизнь, с младых ногтей до последней дуэли – зачем, вот в чем вопрос? Неужели легче жить с Демоном в душе, не отпускающим, мучающим? Вдруг он и к Лермонтову присаживался ночью к изголовью и говорил: «Свобода выбора фатальна», может, другие печальные афоризмы извлекал из своей головы? Возможно, тоже плакал Демон над судьбой поэта, когда тот еще и не представлял себя поэтом со своей стезей удивительной и трагической одновременно?

Он вспомнил, что удивительный поэт от Господа Михаил Юрьевич Лермонтов так и не опубликовал свою многострадальную поэму при жизни, писал и переписывал строки о Демоне всю жизнь, с четырнадцатилетнего возраста буквально до самой гибели на дуэли, причем до конца жизни испытывал явную неудовлетворенность своей поэмой. Если бы не ранняя гибель в неполные двадцать семь лет, он бы снова и снова возвращался к текстам детства и юности – только вот на чем бы он остановился? Вряд ли, первое полное издание поэмы, осуществленное в Германии, в Карлсруэ добротами, по «придворному списку» (когда с последним рукописным вариантом поэмы по совету Жуковского захотел ознакомиться наследник царя), через пятнадцать лет после его гибели на дуэли обрадовало бы Лермонтова?

Он открыл страницу книги со строками поэта, подчеркнутыми его рукой в далекой поэтической и спортивной юности, и заново выделенными им же своей кровью в день похорон жены, после траурных многолюдных поминок: «Я был отвергнут, как эдем, мир для меня стал глух и нем. По вольной прихоти теченья так поврежденная ладья без парусов и без руля, плывет не зная назначения. Так ранней утренней порой отрывок тучи громовой, в лазурной вышине чернея, один, нигде пристать не смея, летит без цели и следа, Бог весть, откуда и куда!»

Помяв в руках свою незажженную сигару, понюхав её и демонстративно придавив её о декоративное блюдечко – явно созданное не для забав курящих, он подправил с жестокой ноткой в защемившем от боли сердце строки поэта: «Один, нигде пристать не смея, лечу без цели и следа, Бог весть откуда и куда». Задумался, закрыв глаза, и спросил самого себя: «Лететь без цели и следа? Дудки! Даже если свобода выбора фатальна – как же без свободы, как же без выбора, как же без любви?»

Ведь всего через несколько дней он должен был решиться, вопреки всем мыслимым и немислимым обстоятельствам, на отъезд, на побег вдвоем к чёрту на куличики – как же без свободы, как же без выбора, как же без любви, пусть даже свобода выбора фатальна?..

Глава 2

В один из погожих сентябрьских дней они, обрученная со своим женихом (и недавно давшая жениху решительный отказ с разрывом помолки) аспирантка двадцати пяти лет от роду и 45-летний вдовец-профессор, тайно и хитроумно, как опытные и матёрые заговорщики, отъезжали вечерним поездом с Курского вокзала в Крым. Он ужасно боялся навлечь неприятности на её дом в это чудное время «бабьего лета», и меньше всего думал о разных напастях для своего печального, с двумя детьми-сиротами дома, рядом с его местом работы завлабом в академическом институте. Об их бурно разгоравшемся трехмесячном романе не должна была знать ни одна живая душа из их близкого окружения, потому их отъезд не только в одном поезде, но и в одном купе был засекречен донельзя.

О подвижках с оформлением билетов он извещал ее трогательными сообщениями – эсэмэсками – по смартфону. Будучи в перерывах между рабочими командировками в Москве, ему пришлось постараться заранее выкупить все четыре места в обычном купе (ибо в спальном вагоне свободных купе е было), чтобы им довелось провести сутки комфортом вдвоем. Чтобы пойти на «настоящую ночь» неожиданного путешествия, ей пришлось согласиться с выполнением его инструкций. Что говорить своей строгой матери и даже ее ревнивому «отставленному» жениху, если тот неожиданно объявится чертиком из табакерки, по поводу ее скоропалительного отъезда на конференцию по системам автоматизированного проектирования и искусственного интеллекта, как решительно действовать в обход всех возникающих барьеров?

Мол, по электронной почте в НИИ на ее имя пришло долгожданное именное приглашение для участия в международной конференции, куда она когда-то отослала тезисы доклада по теме завершаемой диссертационной работы. К тому же в приглашении была оговорена выгодная скидка в оплате прямо на месте оргвзноса и размещения в местном пансионате – как тут не воспользоваться благоприятным случаем. А дальше дело техники. Прямо на вокзале в условленном месте ей передадут билет в купейном вагоне коллеги из одного московского вуза, участники конференции, разделившие общие хлопоты по приобретению горящих билетов. Раз все организовано в последний момент и с кучей неопределенностей, то, естественно, никому провозжать ее на вокзал не надо, поскольку время матери и отставленного жениха, такого же аспиранта-математика с диссертацией на выходе, ценится, как свое, драгоценное донельзя.

Поскольку «спасение утопающих и отъезжающих – дело рук и ног самих отъезжающих», то именно она сама все разрешит своими собственными силами в режиме реального горящего времени, где всякое может случиться и приключиться. Но наверняка все закончится благоприятным исходом даже тогда, когда билеты выкупаются в последний момент, пусть даже неизвестно – с какого вокзала выезжать. Мол, надо надеяться только на веселый счастливый случай и безотказную работу сотовых операторов мобильной телефонной связи: нужная информация будет у нее в виде «эсэмэсок с летящей походкой» в последний миг, буквально перед отходом поезда. Какой уж тут брать с собой лишние вещи – только самое необходимое, точнее говоря, только «достаточное» для доклада, для дороги, для недели у теплого моря.

Лера, как никто другой, понимала, тревожное и одновременно прагматичное умонастроение своего молодого нервного «бывшего жениха»: раз за почти три года ее и его аспирантуры им не удалось зачать ребенка, почему бы хоть ей-то не зацепиться за возможность вовремя и в срок защитить диссертацию? Какое там «ущемление мужского достоинства», если бывший жених будет также защищаться максимум через полгода после защиты бывшей невесты? Ведь успех в таком зыбком, рискованном деле, как завершение учебы в аспирантуре с защитой в срок диссертации, зиждется на краеугольном камне, на котором начертан мощный императив – всё успеть вовремя! А успех и фарт в режиме горящего времени диссертанта на выходе зависят, по сути, от совпадения места и времени всех участников будущего действа на конференции:

докладчика-аспирантки, ее научного руководителя, намеченных шефом официальных оппонентов и ответственного представителя ведущей организации. Там же «на месте» будут намечены и согласованы сроки защиты на докторском Ученом совете их НИИ с соответствующей рассылкой заранее подготовленного автореферата диссертации с упоминанием оппонентов и ведущей организации.

Прозорливым сметливым девичьим умом Лера догадывалась, что после такого авантюрного путешествия, ее-то дом, может быть, и устоит на пронзительных ветрах ускорившегося времени. Только выдержит ли всевозможные потрясения дом ее попутчика Евгения Михайловича Брагина в четырехместном купе на двоих? Только каково будет узнать, не дай Бог, об их романе, тайном авантюрном путешествии уважаемого доктора наук, профессора, завлаба академического института его сыну и дочке, сирот без матери? Почему она с тревогой думала о скорых катастрофических потрясениях для его дома, а не для своего? Догадывалась, нет, интуитивно знала: вдовцу-профессору была ниспослана свыше непозволительная роскошь – безнадежно влюбиться, как мальчишка, и к тому же так же безнадежно влюбить в себя молоденькую университетскую аспирантку. А еще катастрофное предощущение Леры было связано с тем, что ее собственные «подозрения с задержкой» подтвердились: она была беременна и, самое главное, не хотела, в отличие от героини молодежного шлягера, чтобы это было временно. Она хотела ребенка именно от него... И диссертационные дела были вторичными в сравнении с ее неистовым желанием стать матерью... В браке или вне брака?.. Нет, все же в браке, первом браке...

Глава 3

Что в домашнем кабинете Брагина, что на рабочем месте в институтской лаборатории в последнее время его тайного романа с Лерой был необыкновенный порядок, говоривший о великом сосредоточении на деле всей жизни и творческом вдохновении. Так получилось, что своих первых «главных» аспирантов Брагин отпустил в бессрочные научные зарубежные «стажировки», а то и сразу по новому месту работы в фирмах Кремниевой Долины, – как-никак великая страна рухнула в одночасье, и академическая наука рыночными реформаторами финансировалась по остаточному принципу. А своих новых аспирантов и молодых сотрудников лаборатории Брагин загружал текущей плановой работой наполовину, а то и меньше – без своего традиционно жесткого контроля за исполнением плана. У него в последние три месяца даже не было лишнего рабочего времени на обсуждение полученных результатов с сотрудниками. Причина была проще простого: он изобретал новые структуры, элементы и системные блоки интегральной электроники высокопроизводительных компьютерных и телекоммуникационных систем и самостоятельно моделировал, рассчитывал новые технические и технологические решения на личном персональном компьютере и мощной рабочей станции института.

Это был его личный вызов времени и обстоятельствам. Ведь он, возможно, как никто другой, понимал, что десять-пятнадцать, а то и двадцать, фундаментальная и прикладная наука и его личные исследования в дорогом, любимом Отечестве никому не будут нужны. А вот изобретения, открытия на перспективу – это совсем другое дело! – здесь можно под кураж наворотить много чего стоящего и прорывного. И он с головой окунулся в стихию изобретательства, к тому же Брагин был единственным изобретателем в их академическом институте, к тому же председателем местного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). К своему стыду и разочарованию он за несколько лет после перехода завлабом в академический институт, ставши сразу председателем отделения ВОИР, так и не смог вывести на изобретательскую стезю своих ученых коллег их других лабораторий и отделов. Будучи сам изобретателем «с молодых ногтей» со своих студенческих и аспирантских лет, Брагин сумел зажечь дух изобретательства и коллективного творчества только в своих подшефных аспирантах. К тому же чтобы предать изобретательскому делу какой-то инициативный, но плановый характер, он несколько раз включал в заявки на изобретения директора института, академика, у которого он сам когда-то был аспирантом и под его научным руководством ровно в положенный трехгодичный срок очной аспирантуры защитил свою первую кандидатскую диссертацию.

Брагин в самом процессе изобретательства – личного и в команде – видел близкую его мятежному духу спортивное соревнование. Ведь когда-то давно он много времени отдал тренировкам и соревнованиям в индивидуальных беговых и прыжковых видах легкой атлетики, лыжных гонках, а также в командных играх футбола, хоккея с шайбой и мячом, гандбола. Но, получив в ранней юности спортивные травмы, несовместимые с деятельностью в большом спорте, остановившись на получении первого разряда и каэмэса, перенес азарт соревнования и достижения высоких и даже высших достижений в большую науку математического моделирования сложных объектов и изобретательство в области микросхем и систем, измерений параметров технологий и приборов. В своей футбольно-хоккейной юности он практически всегда был капитаном команд и просто обожал дух командных соревнований ради честной красивой спортивной победы.

А чем могучее радостное изобретательство уступает большому спорту? Тот же дух соревнований, новизны, та же красота побед и преодоления, желание отдать все силы ума и души для достижения победы, к тому же чувство первопроходца при решении сложнейших научно-технических задач современности, рывок, прорыв в будущее, где так еще не соревновались «не играли по большому счету».

А еще в изобретательстве Брагин прозорливо видел то, чего не находил в большом спорте: редкая бескорыстность, «не от мира сего» в творческом соревновании изобретателей, нет фанатов, «болельщиков», то есть болезных и отчасти ущербных людей на грани психического заболевания и срыва. Да и откровенных нахалов, с цепи сорвавшихся «отмороженных» гениев-изобретателей, требующих себе незаслуженных благ и коврижек не приходилось видеть Брагину на научном веку, на ниве служения Изобретательному Богу. А ведь все прогрессивные технологические, технические и системные решения цивилизации идут от неумного брата Изобретателя – от колеса до атомной и водородной бомбы, от лампочки Эдисона и Лодыгина до транзистора, интегральной микросхемы, компьютера, нейронных сетей систем ИИ.

Только неожиданно для себя Брагин быстро обнаружил, что в его любимой электронике, автоматике и вычислительной технике все изобретения элементарно обходятся за счет новых, далеко не принципиальных решений, частично или полностью перекрывается старый уровень новизны относительной, далеко не принципиальной, фундаментальной. Это поразило Брагина, но он сделал для себя один важный вывод: надо изобретать принципиально новые вещи с глубоким опережением текущего уровня на десятилетия и даже века, и не жалеть о том, что их время будет впереди, возможно, даже после смерти автора-изобретателя. Иногда Брагин мысленно сокращал сроки на мораторий его изобретения: «Вот придут к власти национально-ориентированные, честные и совестливые политики-патриоты, тогда и с чистой душой и совестью расконсервирую изобретённый неприкосновенный запас, НЗ».

Изобретательская фишка Брагина базировалась на созданном им наборе сверхконкурентных программ двумерного и трехмерного технологического, физического приборного, схемотехнического, а также смешанного приборно-схемотехнического и системного моделирования. Таким образом, него было возможность анализа вариантов перспективных технологий, топологий изготовления и производства приборов, микросхем и микросистем на кристалле и пластине. Когда у него за последние три месяца бурного романа с Лерой все пазы сложились в голове в многоуровневом моделировании и оптимизации элементно-технологической базы, когда было изобретено множество прорывных опережающих решений, тогда-то во сне или наяву чернокрылый Демон Фатума и произнес свою сакраментальную фразу: «Свобода выбора фатальна» – как раз перед самым отъездом Брагина и Леры. В обстоятельствах свободного или фатального выбора жизни, судьбы, надежды на человеческое существование в переломные времена...

Брагин считал себя свободно мыслящим человек, решившего давным-давно, со времен ранней юности, что главная трудность в судьбе человека – это находить, генерировать верные, актуальные для настоящего момента мысли. Вот он и нашел важные мысли: «В эти переломные времена, считай, лет двадцать, а то и тридцать его изобретения никому здесь не нужны. Они опередили это жесткое, жестокое время. Рвануть за бугор со своими изобретениями и аппаратом их генерации с мощным, самым лучшим в мире программным продуктом, системой многоуровневого моделирования и оптимизации? Да был он за этим бугром многожды, не бодрит его то, что он видел своими собственными глазами за бугром. Только любовь, Лера способна сотворить чудо из чудес – прорыв с изобретениями за границы времени – свободно? фатально?»

Он и раньше, будучи главным и единственным изобретателем в институте с тихим ужасом был немой свидетелем, того, как в их академическом институте закрывали временно или навсегда первый секретный отдел, когда все его старые изобретения с грифом «ДСП», «Секретно», закрытые программные наработки и алгоритмы передавались в академический архив. Пользуясь своей коммуникабельностью и правом председателя отделения ВОИР, Брагин вытребовал под расписку в свое личное пользование все описания программных продуктов и алгоритмов, а все свои изобретения с грифами «ДСП» и «Секретно» с некоторым сожалением отдал безвестному безъязыкому архиву. Он словно предчувствовал благодать благосло-

венную, когда изобретет десятки изобретений и никому их не отдаст, оставив до лучших времен земных минифабов и спейсфабов на космических безлюдных кораблях с индивидуальной обработкой пластин в абсолютном вакууме и невесомости с операционными роботами-технологами.

А по поводу воровства патентов вообще, и секретных изобретений и патентов вот что было известно Брагину. Ему лично «на ушко» недавно рассказал старинный приятель, работающий начальником отраслевого отдела в патентном институте на берегу Москвы-реки напротив Лужников, что все «протекает» в патентном институте, «течет» на Запад и Восток информация об отечественных изобретениях с грифом «ДСП», «секретно», ибо любой коммерческий тамошний продукт обеспечивается патентной защитой – с «перешибом конкурентов».

Именно во время бурного романа, с обостренной психической интуицией Брагин почувствовал сильный интерес и к своим прорывным изобретениям, и к своему программному продукту многоуровневого моделирования технологий, приборов, схем и систем, с подуровнями идентификации параметров и многокритериальной оптимизации. В его академический институт приходили какие-то темные людишки, предлагали руководству бешеные деньги за его программы, алгоритмы, математическое обеспечение продуктов. Руководство отсылало этих темных людей из посредничающих организаций с заграницей к нему, автору – только почему-то лично на Брагина никто не выходил, не тревожил его предложениями. «Еще потревожат, – усмехался Брагин, – их не убудет, фанатов «дерьмо-Рока», отечественных и забугорных коммерсов, съевших зубы на посредничестве яйцеголовых из отсталой России и передового Запада. А пока скоропалительный, мистический отъезд сродни побегу в страну Любви его с Лерой».

Часть II

Отъезд

Глава 4

Пока все удавалось, шло на ура по безумному любовному плану. Ровно за пять минут до отхода поезда Лера без труда нашла вагон, указанный ей Брагиным в сообщении. Последнее сообщение она получила уже при выходе из метро на привокзальную площадь – всего пять минут тому назад. Она, как было оговорено заранее, обратилась к молодцеватому проводнику указанного профессором вагона. Тот с равнодушной физиономией попросил ее показать паспорт и будничным, равнодушным, даже тоскливым голосом сообщил место:

– Тридцать первое... Нижнее...

– По вашему голосу можно догадаться, что купе рядом с туалетом, – сострила Лера, чтобы хоть немного поднять себе упавшее настроение и разговорить мрачного проводника. Впрочем, она раньше еще студенткой предпочитала ездить, ради экономии средств, в плацкартном вагоне, только в середине, и не знала точно мест последнего купе.

– Должен вас обрадовать, мадмузель, – проводник неожиданно сменил хмурый тон на игривый, – к радости или к сожалению, только не рядом с туалетом... Ваше купе предпоследнее... Но...

– Что «но», – тревожно спросила Лера, автоматически поеживаясь и непроизвольно, излишне деловито оглядываясь по сторонам, желая расшевелить проводника на продолжение разговора ради новой информации, – что вам велели передать?..

Тот поморщился, как от зубной боли, отстраненно отвернул в бок породистое, малость помятое алкоголем и излишествами лицо с седыми баками и тихо произнес:

– Те двое ничего вам не велели передавать. Один передал несколько минут тому назад билет с вашей фамилией и сказал, что скоро подойдет. Попросил только сообщить вам ваше место – и всё. А другой интересовался, кто едет в вашем купе, пустое оно, или нет. Я так понял, что ему с рук хотели продать билет на верхнюю полку в вашем купе. Не знаю, почему, но он не поверил перекупщикам. Даже сначала заглянул в ваше пустое купе, а потом прямым ходом пошел в кассы – что-то выяснить. Он сказал, что уточнит ситуацию и вернется. Может, придет перед самым отправлением. У вас же на руках только два билета в это купе – правильно?

– Да, два.

– Вот, видите, Впрочем, чего ждать, проходите, – проводник автоматически взял и проверил предъявленные билеты с паспортами последней пары пассажиров, поднялся вслед за Лерой по ступенькам в тамбур и громким голосом объявил, почти крикнул по-хозяйски. – Провожающие, освободите вагон, до отправления поезда осталось меньше пяти минут.

Только провожающих в вагоне никаких не было. Лера в этом убедилась, протискиваясь к своему предпоследнему купе в узеньком коридоре, окна которого облепили дородные женщины с детьми, объясняющиеся языком жестов и мимики с теми из провожатых, кто только что вышел из вагона и также оживленно жестикулировал в ответ, только внизу на платформе.

В пустом купе за считанные секунды до отхода поезда ее тревожило мучительное ожидание – отсутствие Брагина. Что с ним? Почему отсутствует? Организовал это авантюрное путешествие, это пустое купе, проинструктировал проводника – и на тебе. Как растворился в воздухе. Остались уже считанные минуты до отправления. А вдруг у него какой-либо форс-мажор?..

Поезд легко качнулся и плавно тронулся с места. Она тяжело вздохнула и против своей воли оторвала взгляд от окна. В проеме двери купе стоял он. Бесшумно за мгновение до поворота ее головы уже положил свою дорожную сумку на сиденье и пристально, с легкой усмешкой глядел прямо в глаза Леры. Его спокойные синие глаза были еще крупнее и смешливее – так ей показалось.

Она укоризненно покачала головой и выразительно, немного укоризненно и одновременно артистично всплеснула тонкими изящными руками:

– Я уже и не знала, что мне делать... Ехать или не ехать... Даже сейчас не знаю – до конца... Ей богу, не знаю, что делать... Закрой...

Она оборвалась, хотела сказать ему, чтобы он побыстрее закрыл дверцу купе, чтобы броситься к нему на шею, обнять, расцеловать его в губы... Словно своим поцелуем он должен тут же дать решительный ответ – непременно ехать... А если холод и отчуждение – что тогда?..

Впрочем, по его собранному настороженному виду она поняла, что не время, не сейчас надо спрашивать, тем более, выяснять степень холода или жара, целоваться... Почему она почувствовала его тревожный настрой, почему интуитивно поняла, что он скажет ей сейчас нечто предостерегающее?.. Она ничего не понимала, но ждала слов предостережения именно сейчас, когда тронувшийся поезд набирал ход...

– Пересядь быстро от окна ближе к двери, чтобы тебя сейчас никто не видел...

– Зачем?.. – выдохнула она. – Нас и так никто не видит... – Но все же покорно и грациозно перемесилась от окна к двери, даже ноги легко и пластично поджала под себя и вжалась в стенку. – Вот и все... Я спряталась... А кто не спрятался, тот не виноват... Или все же виноват?..

Он по-прежнему стоял спиной к раскрытой двери и окну в коридоре, широко размахивая руки, зацепившись за верхние застеленные полки, словно не позволяя кому-то с платформы разглядеть, что же творится в глубине их купе, увидеть ее, виноватую или невиноватую...

– Еще не все, милая, – еле слышно прошелестел он одними губами, все еще самое интересное впереди, родная...

После легкого шелеста его губ она услышала несколько, два или три тяжелых ударов кулаком в стекло. Она вздрогнула. Она знала, что напротив их купе не было никого. Все жестиколирующие пассажиры группировались у окон в начале вагона, рядом с купе проводника.

– Не высовываться... – в его голосе прозвучали неведомые Лере металлические нотки. – Замри... – Он нарочито не обернулся на последний удар кулаком в стекло. Только обеззвучил металл в голосе, превратив его в доверительный шелест губ, идущий откуда-то из глубины сердца. – Так надо, милая, замри... Не умри, родная, а всего-то на мгновение замри... Замри, как только ты умеешь замирать...

Она еще сильнее вжалась в угол купе, где на вешалке покачивалась ее джинсовая куртка, и замерла. Еще сильнее поджала ноги в джинсах – без всякого желания отмирать.

Брагин спокойно повернулся лицом к окну коридора, сделав полшага из их купе. Он увидел высокого молодого человека, атлетического сложения, грозившего именно ему или их купе кулаком. Лицо его было искажено гневом и ненавистью. Он уже не мог снова ловко и сильно ударить кулаком по окну напротив их купе, и это его бесило. Не расталкивать же толпу на платформе, чтобы догнать набиравший ход поезд. Для него гораздо важнее было ударить кулаком по окну напротив их купе, чем попытаться выпрыгнуть в вагон уходящего от платформы поезда.

«А вдруг запрыгнет на ходу в последний вагон поезда? – подумал саркастически Брагин. – Ну, что ж, тогда будет непредвиденное объяснение с этим типом... Буквально в самом начале путешествия. Пусть будет так... Хотя уж лучше бы в конце пути, если можно... Впрочем, вряд ли... Ничего не будет – до лучшей поры, до нужного времени... Пролонгация откладывается на неопределенный срок...»

Брагин никогда не видел раньше этого парня. Толком не знал, жених ли это Лерин или какой поклонник, или, вообще, какой-нибудь перронный хулиган подшофе. Только был уверен в том, что не будет говорить о нем Лере, как бы она не выпрашивала его – кто это, бывший жених, поклонник, знакомый иль станционный хулиган? В конце концов, своего бывшего жениха она отшила, а подаренное ей его обручальное кольца, как знак помолвки, выбросила на глазах Брагина в Москву-реку.

Глава 5

Когда поезд ускорился настолько, что его уже было невозможно догнать самому лучшему в мире спринтеру, Брагин сделал шаг назад в купе и сел рядом с Лерой. Выждав ровно столько, сколько потребовалось бывшему жениху ли, поклоннику ли, хулигану ли добраться от последнего вагона до их купе, он легко положил руку на ее плечо, нежно привлек к себе на грудь и перед тем, как поцеловать в мягкие тёплые губы, шепнул:

– Отомри, милая...

Она уже давно ощутила свою беспомощность под его страстными поцелуями, сводящими с ума. Потому, слабо сопротивляясь, все же негромко вскрикнула:

– Милая и дорогая не отомрет, пока ты дверь не закроешь... Замри, отомри, это жестоко...

Он чертыхнулся и, оторвав одну руку от ее девичей груди, потянулся к дверце. Его движения и легкой паузы было достаточно, чтобы ей выскользнуть из его объятий, оправить блузку без лифчика под ней, тряхнуть златовласой головой с роскошными кудрями. У нее на языке давно вертелся вопрос, и, воспользовавшись паузой и легким замешательством Брагина, она спросила:

– Это был он?

– Кто это он, – переспросил Брагин с наигранной усмешкой, – кого ты имеешь в виду?

– Сам знаешь кого...

– Послушай, я твоего жениха ни разу не видел вообще... Между прочим, если даже ты его начнешь описывать, мое положение будет более чем странным. Я не разглядел лица этого человека, даже о комплекции, габаритах имею самое смутное представление... Понимаешь, все это фантом, видение с кулаками и стуком... Светлое ничто – оно растворилось без следа.

– Фантом стучал кулаком по стеклу?.. Мне же важно, это был Игорь или?.. Как хоть выглядел этот фантом – высокий, худой, плотный?..

– Ну, я же не оборачивался... – больше всего Брагину не хотелось бы услышать из уст любимой описание внешности ее жениха, как, впрочем, поклонника, бывшего бойфренда – кого угодно. – А когда оглянулся, поезд уже тью-тью... Вряд ли это твой...

– Почему, – машинально спросила она, раздумывая, говорить или не говорить о внешности Игоря, – вот, почему...

– Я не знаю, кто это был, бывший ли бойфренд, только, несмотря на все наши великие предосторожности, нам все же не удалось избавиться от преследования неизвестного человека. – Он усмехнулся. – Ты хоть свой телефон-то хоть не выпускала из рук? Я тебя предупреждал, что при огромном желании и любопытстве можно не только в телефон заглянуть, но даже всякие зашифрованные эсэмэски дешифровать...

– В первый раз о таком слышу, – искренне удивилась Лера, – но одно могу сказать точно, содержанием твоих сообщений не делилась ни с кем. Разумеется, Игорь не прикасался к моему телефону... Мама, вообще, не знает, как такой техникой пользоваться...

– Это славно, с одной стороны... – Брагин хмуро пожевал губами. – Какой-то бред собачий вырисовывается, одним словом. Только сдается мне: кто-то мог проследить и твой путь до вокзала, узнать про поезд, даже про вагон и купе...

– Вряд ли... – она замешалась, не зная, имеет ли смысл рассказывать Брагину о странном субъекте, интересовавшемся их купе, заглядывавшем туда. – Нет, это полный бред...

– Это ты о женихе-соглядатае?..

– Обо всем... Об ударах кулаками в окно... Может быть, и Игорь... Он в последнее время, как с цепи сорвался... – Ей так не хотелось поверить в разумное объяснение вокзальной фантасмагории, что это был ее ревнивый жених Игорь, с огромными кулаками боксера,

некогда нокаутировавшего её бойфренда Гарика. Одно она уяснила точно, не будет описания ни внешности Игоря, ни физиономии Гарика из ее уст. Пусть пока будет так.

В мыслях у нее был сплошной сумбур и невнятица: «Может быть, это был все же не мой бывший жених, а его соперник Гарик, тот, кому когда-то Игорь свернул набок нос, сломал челюсть, когда тот возник наглецом-призраком, ещё до помолвки, с претензиями? Надо же, какая дичь случается по юности: два школьных приятеля, два ухажера с одинаковым именем, чтобы их как-то различать, жениха пришлось именовать Игорем, а бывшего бойфренда – Гарриком. И вдруг сегодняшней инцидент, как будто кто-то следил за мной или читал посланные мне эсэмэски. Действительно, надо быть шпионом или работать в сотовой компании, чтобы подслушивать разговоры радиотелефонов или перехватывать эсэмэски. Так ведь Гарик и учился какое-то время в закрытом заведении, то ли от СВР, то ли от ФСБ... Игорь, правда, после того, когда набил Гаррику физиономию, брезгливо прокомментировал, что его неудачливого приятеля школьной юности отчислили из той секретной школы... Вычистили его соперника за какие-то неблагоприятные темные делишки... Так и сказал с бешеными от ревности глазами: «Хорошему разведчику просто так, за здорово живешь морду не набьешь. Побеждает в равном бою тот, за кем правда, кто совестлив и честен перед собой и близкими... А твоего бывшего бойфренда за бесчестие, за неизмеримо большую любовь к бабле, чем к поруганному отечеству, из закрытого заведения вычистили – как мусор вышвырнули».

Но ведь Гарик ее преследовал и до помолвки, и после. И она боялась говорить об этом Игорю. А Брагин вообще не видел ни Гарика, ни Игоря, хотя она честно рассказала о них все, как на духу. В новой любви надо быть честной прежде всего перед собой и потом уже рассчитывать на понимание любимого человека. Мысли ее путались и мешали сосредоточиться, остыть: «Ничего не понимаю... Может, тот неизвестный, о котором рассказал проводник, все же Гарик? А вдруг этот неизвестный все же из лихой компании Гарика?... Кошмар... Веселенькое путешествие... Как началось, так и кончится весело... Ни Игорь, ни Евгений не знают еще о ее беременности... Никто в мире, ни одна душа... Когда-то же придется сказать... Вот сейчас скажу все-все о своей беременности Евгению, и мы покатимся в пропасть... И по сравнению с падением в бездну, тот неизвестный, стучащий нам кулаками по стеклу человек покажется фантомом, чужью собачьей, молью бледной... Все гораздо проще и безысходней, чем ты думаешь... Но и удары кулаков по стеклу – это тоже знак, и совсем не случайный... Когда же мне расспросить Евгения о том неизвестном, бегущим за поездом?... Может, вообще, тот искал не меня, и угрожал не мне, а Евгению?..»

– О чем ты задумалась, моя любимая?... Как же тебя выследили?... Я уж, грешным делом, подумал, что это за мной следят... Были такие предчувствия... Я своей интуиции доверяю... Потому и появился в вагоне не по нашему раннему плану – а перед самым отправлением...

До нее не сразу дошел смысл слов знакомого ласкового голоса. Она поправила прическу, озорно улыбнулась и потянулась к своему саквяжу.

– Так мы и до своих сумок не доберемся... Распаковывать или нет? Переодеваться или не стоит?... Или мне надо сойти в Туле и возвращаться в Москву?..

– Ну, уж нет... Ты что... Наше путешествие только началось, его нельзя никому и ничему изменить, отсрочить... – Он решительно взялся за свою сумку, глядя, как она разбирает свой небольшой бесхитростный багаж.

– В таком случае я отключаю свой мобильник. Сутки ехать и трястись в ожидании звонка – это уже слишком. А ведь нам есть, о чем поговорить, что вспомнить, воистину...

– Так уж и воистину, – улыбнулся он своим мыслям, глядя в ее зеленые распахнутые глаза, любясь красивым ее ртом, – наговоримся...

– Тонкое умозаключение, – весело отозвалась она, раздумывая о том, сейчас или попозже ей переодеться

– И, слава богу, что что в дорогу мы собрались весело и, надеюсь, наши презентации будут не скучными, а наоборот, живыми весёлыми и потрясающими...

Она улыбнулась своим мыслям при его словах «весёлыми и потрясающими», представляя, насколько она развеселит или потрясёт Брагина своим признанием о беременности докладчицы, только надо без всякого жеманства и стеснения переодеться сразу после визита проводника.

Часть III

Две флэшки

Глава 6

Через какое-то время к ним в купе постучались. То был хмурый проводник с седыми баками с какой-то лукавой искоркой в глазах.

– Что же мне делать с вами? – обратился он к Брагину. – Вы что-то говорили о четырех билетах в это купе. На руках у меня только два билета. – Он многозначительно указал на кожаную сумку с отделениями, куда он засовывал свернутые вчетверо билеты пассажиров. – Видите в вашем восьмом купе только два билета, которые вы предъявили при посадке. Два нижних места, двадцать девятое и тридцать первое. – С хитрющими глазами он нагло и вызывающе усмехнулся. – Или что-то не срослось?..

Брагин молча протянул ему два новых билета:

– Пожалуйста...

Тот непонимающе уставился на билеты:

– Странно... Действительно, на тридцатое и тридцать второе места... Только все это билеты на имя одного пассажира... Брагина Е эМ... Это вы, выходит, Брагин Е эМ... – Он поскрёб пальцами в своей кожаной рабочей сумке, удостовераясь, кто же едет, на двадцать девятое и тридцать первом месте. – Забавно, однако... Мадмуазель претендует только на одно нижнее, тридцать первое место... А господин...

– Профессор Брагин, – поправил его Брагин. – Выкупил еще три места в этом купе. Вас что-то смущает?..

– Но ведь не положено, – не унимался, горячась, проводник, – одному человеку, хоть профессору... хоть академику... выкупать все места в купе...

– Профессору и академику можно, – успокоил его Брагин, – я со своей аспиранткой еду на международную конференцию, где соберутся многие мировые светила. Нам с аспиранткой Лерой необходимо подготовиться за время пути к ответственным докладам. – Для убедительности он вытащил программку конференции и потряс ею около носа проводника. – Послезавтра все это, понимаете, наконец, или нет? Нам требуется полное уединение, сосредоточенная работа...

– Уединение с мадмуазель, понятно. – Проводник снова усмехнулся и подмигнул Лере. – С аспиранткой юной, значит... Понятное дело, с юными девами самое милое дело в купе уединиться... Тэт-а-тэт...

От этой наглой усмешки и подмигивания записного хитрована Лера покраснела, ступавалась. Она была готова выскочить из купе. Однако, залившись стыдливым румянцем, резко наклонила голову, якобы поправляя застёжку у шлепанцев. Сдержалась. Только тихо и угрожающе фыркнула. От Брагина это не ускользнуло. В голосе его прибавилось металла, когда он испепеляющим взглядом из-за стекол очков уперся в лукавые жирные глазки проводника.

– Что вам, любезный, понятно?..

Тот попытался неуклюже ретироваться:

– Понятно, что вы из крутых академиков. Из тех, которые с привилегиями, раз одному можно три билета в купе на одну фамилию выкупать. Вот, что понятно... Человеку, тому же бизнесмену с большими деньгами такое вряд ли дозволено...

– Бизнесменам, тем более с большими деньгами сейчас все дозволено, – Брагин уже переплавил металл в голосе и говорил мягче, доверительней, чувствуя некоторое смущение поставленного на свое место проводника. – почти всё...

– Только крутые предприниматели, олигархи разного масштаба предпочитают договариваться с проводниками или на худой случай с начальником поезда... Все по понятиям должно быть... Тот крутой бизнесмен, который претендовал на место в вашем купе, по понятиям пытался со мной разговаривать... Он откуда-то узнал, что в купе на четверых едут двое... Еле-еле от его задатка отвертелся, когда он удостоверился что купе пустое... Пока пустое...

Намек был прозрачен; Брагин должен был договариваться с ним, а не делать все так, как ему вздумалось и удалось, покупая четыре билета в одно купе по российскому паспорту Леры на одно место и по своему заграничному паспорту – сразу три места. Тогда кассирша, продавшая ему билеты, не промолвила ни словечка, только улыбнулась одними глазами, мол, шикуете, ничего и никого не таясь, молодой человек на пятом десятке, судя по вашему заграничному паспорту с парой дюжин служебных научных виз в Европу, Америку, Азию...

– По понятиям, говоришь, любезный, – поморщился Брагин, – а это как, по понятиям?

В вопросе Брагина проводнику что-то не понравилось, и он поскорее пошел на попятную:

– А как же быть с постельными принадлежностями, что входят в стоимость билета? – задумчиво, с трудом шевеля тяжелым языком, спросил побагровевший проводник. – Ведь уплачено за четыре места – приносить или как? Только верхние места полностью укомплектованы...

– Не надо, белье мы перетащим с верхних полок на нижнее, – спокойно произнес Брагин, давая понять, что разговор закончен.

– Я потом вам выдам четыре квитанции за белье.

– Не надо, любезный, – отрезал Брагин, – всё в порядке.

– Чаю принести?..

Ему не ответили, и проводник счел за благо вовремя перейти из предпоследнего купе в последнее. Лера почему-то подумала, что ей будет неловко подходить к нему и просить два стакана чая, поскольку была убеждена, что этот проводник и его сменщик в служебном купе будут злорадно подсмеиваться и перешептываться за ее спиной: «Эта та мадмуазель из предпоследнего купе. Ради нее, мадмуазель-аспирантки, ее папик, профессор, выкупил аж все четыре места, чтобы натешиться наедине. Что ж, голубки, тешитесь на здоровье. Только таможеню с пограничниками не проспите, как натешитесь».

Лера где-то в глубине души даже рассердилась на Брагина. Ей почему-то показалось, что естественней выглядела бы ситуация в полностью заполненном купе. Тогда не было бы никаких намеков, никаких оплошностей, уязвляющих ее утонченность, стыдливость, врожденную деликатность. И еще она с тревогой подумала о том, вот, надо же самое первое их путешествие, первое столкновение со случайными людьми – и огрехи общения. Они ведь до этого раньше, будучи только вдвоем, втайне от близких и знакомых, старались отгородиться от внешнего враждебного мира, встречаясь на квартире коллеги Брагина, выехавшего надолго за границу. А внешний мир воистину враждебен, явно не дружелюбен к ним, влюбленным. Тот же ухмыляющийся проводник, а до этого страшные удары кулаками по окну. И это только начало путешествия, начало их пути – что же будет дальше?»

Глава 7

Лера легко стянула заправленное постельное ложе, матрас с одеялом и подушкой с верхней полки. И тут же гибкой змейкой скользнула на одеяло.

– А как же наш вагон-ресторан, – усмехнулся Брагин, – он же рядом с нами и давно дожидается нас.

Она не ответила. Она, вообще, позабыла про ресторан, не знала, что делать и говорить, не смея даже открыть глаза и взглянуть на дорогого ей человека, как будто от поведения и такта его в этот решительный миг такого долгожданного свидания зависело интимное счастье их дальнейшей совместной жизни. Она улыбнулась ему с закрытыми глазами:

– Ресторан подождет... Все в мире подождет... Лишь ты не жди слишком долго... Это же первое наше путешествие вдвоем... Надо сделать так, чтобы дальний путь понравился путникам... То бишь законопослушным пассажирам, не желающим жить по чуждым им понятиям...

Брагин не знал, что ему делать, то ли тут же заняться устройством своего спального места, то ли... Он преклонил колени перед ее ложем и стал целовать ее нежные изящные пальчики одной руки, потом другой. Приподымаясь с колен он приблизился к лицу и тоже с закрытыми глазами нашел сухими горячими губами ее влажные сочные губы. Он одной рукой уже гладил рукой ее роскошные густые с золотым отливом волосы, другой расстегивал пуговицы на блузке. Вот одна его рука его нашла ее упругую девичью грудь, спрятанную между локтями. Другая же рука, не торопясь, прогулялась вдоль талии, живота, бедер, между бедер... Он привалился рядом с ней и все целовал и целовал ее, не торопясь и ничего на свете не боясь, словно у них в запасе были не целые сутки пути, а вечность...

Что произошло потом?.. Ясно всё и ничего не ясно... Все было, как в божественном сне утонченного наслаждения, она и он снова потеряли голову, поцелуи, объятия и любовные ласки становились все слаще и слаще. Многажды им в дверь стучались... Из-за двери мужские и женские голоса, как из туманной дали предлагали им чай, кофе, напитки, яства, а им было не до них, ни до голосов, ни до яств... Они не могли оторваться друг от друга... Потом оторвались, наконец, и замерли, застыли, как изваяния. Ей показалось, что он засыпает, ему же казалось, что все наоборот, что потеряла сознание и провалилась в сон она... Но это было не так: миг прострации каждого казался по внутреннему ощущению бездонной вечностью...

Они пришли в сознание, провалившись до этого в мгновенный любовный сон, одновременно и тут же открыли глаза и посмотрели друг на друга. Долго молчали, не зная, что говорить, чтобы не испугнуть счастливое мгновение скорее душевной, нежели физической близости. Наконец, она не выдержала. Опершись на локоть, склонилась к нему и вытерла теплой рукой его влажный лоб. Ей показалось, что не только ей, но и ему в небольшом купе с нависшими верхними полками невероятно жарко, даже душно. Вентиляция работала с явным сбоем.

– Душно... – вздохнула она печально. – Так безумно было хорошо... А сейчас так душно... У тебя лоб мокрый, и у меня тоже... Смотри... – Она притянула его руку к своему лбу. – Кошмар какой-то...

– Я сейчас подыму кверху полку над нами, и нам моментально станет легче – вот увидишь...

С этими словами он, голый, высокий, хорошо сложенный, плотный, мускулистый, как пушинку вскинул вверх руку и приподнял верхнюю полку. Оттуда от резкого движения свалился на пол какой-то маленький предмет, словно полфишки от домино, словно маленькая шашка или фишка стукнулась о пластик и затерялась, закатилась куда-то под полку в темноте. Он включил светильник над ее изголовьем, но замешкался, не в силах был разглядеть, что же это свалилось сверху. Не очки же одевать, чтобы искать и быть похожим на голого учёного кота в очках, обученного фокусам поиска уроненных фишек.

Попробуй найти фишку от домино, крохотную дорожную шашку, если она к тому же закатилась под полку, в пустое пространство рядом с окном и столиком. Она почувствовала, что ему не хочется призывать ее, такую же голую, как и он, к поискам откуда-то взявшейся в поезде фишки при всех включенных светильниках купе, чтобы разобраться с затерявшейся фишкой, а он без ее помощи бессилен найти упавший и закатившийся черт знает куда предмет.

– Может, ну их всех к черту, что падает сверху и создает эффект неожиданности, – спросил он неуверенным голосом, – завтра при полном свете найдем...

– Постой! – Она выскользнула голой, отбросив простынки, грациозно нагнулась. Ничуть никого и ничего не стесняясь, запустила руку под полку, пошарила. Сначала ничего не нашла. Но, всмотревшись пристально в темноту своими зелеными острыми глазами грациозной кошки, торжественно выдохнула. – Вот она... Ты себе не представляешь, что это за подарок нам... Это флэшка... Зачем ты закинул ее на верхнюю полку?..

– Я?..

– А кто же еще?..

Брагин с удивлением покрутил перед глазами флэшку, устройство памяти, ничего не понимая. Покачал головой и, поблуднев, выдавил из горла:

– Только надо согласиться с тем, что, во-первых, эта флэшка таинственным образом оказалась под бельем на верхней полке, а во-вторых, это, естественно, не моя флэшка. – Он внимательно посмотрел на Леру. – И не твоя, стало быть... Не проводника же... Или всё же твоя?..

– А я вообще не взяла с собой на конференцию никаких флэшек. Давай, прочитаем по твоему смартфону, что там хранится, что записано.

– Бойтесь данайцев, дары приносящих, – хмуро процитировал он античный афоризм, – вряд ли мы прочитаем, и вряд ли нам стоит читать чужие флэшки, как чужие тайны.

– А вдруг не чужие?..

– Упало и пропало... – Он поморщился и слукавил. – Конечно, я мог бы прочитать, что записано на флэшке, с помощью моего смартфона... Только у меня нет под рукой переходника на стандартный юэсби-разъем... У меня же мини-разъем, ты же знаешь...

– Как хочешь, милый, не каждый день подарки с полки падают...

– Ты сказала подарки... – Брагин уже в спортивных шортах засунул руку под матрац на другой полке. – Ты, как всегда, права... – Он с изумлением вертел в руках вторую флэшку. – Не один подарок, а сразу два... Подарочки, будь они не ладны...

– Такая же?..

– Есть разница: первая объемом памяти в один гигабита, а вторая уже в 16 гигабит... Серьезные изделия и, между прочим, дорогие были когда-то, особенно вторая флэшка...

– А почему надо бояться данайцев, – весело спросила она, запахиваясь в халатик, стоя между двух задранной вверх полок, когда он стелил себе постель на своем нижнем месте, – этих лукавцев с их дьявольскими дарами на пару долларов?..

– Ты же сама и ответила на свой вопрос – только с одной поправкой, подарками за три сотни зеленых баксов, если не под четыреста...

Брагин невольно нахмурился, вспомнив, что его заветная флэшка в спортивной сумке, которую он вез на конференцию, чтобы продемонстрировать демо-версии своих трех модифицированных программ имеет объем гигабита. Словно кто-то знал уже, что он все самое лучшее, что сотворил в жизни, забил на свою любимую флэшку, купленную им еще в тот памятный год во Фриско – на удачу! – и с которой уже не расстанется, как со счастливой подковкой уже пять лет. А теперь некто неизвестный предлагает ему: поделись секретами своей заветной флэшки. Перепиши часть конфиденциальной информации на дешевую флэшку. А хочешь, и на дорожную, избыточную по памяти. Только какова цена вопроса этого действия?.. Ведь ему уже пять лет тому назад предлагали продать практически задарма его программы. Тогда они были такими несовершенными, что и вспоминать об этом не хочется. Но сейчас-то из тех голых старых

идей и алгоритмов выросли удивительные программы многомерного моделирования технологий, приборов, схем и систем САПР нового поколения, ускорителей вычислений компьютеров, решаются задачи компоновки и трассировки чипов и плат, развиты приложения автоматизированного синтеза искусственных интеллектуальных систем. Несколько главных демо-версий он продемонстрирует на конференции. Но еще до демонстрации его кто-то тонко ведет и интригует. Шантажирует: перепиши свои программы на флэшки, отдай задарма или втридорога – и мы отстанем от тебя... Это понятно только ему, Брагину... Как все это было давно... Зачем ввязывать в эти тягостные воспоминания Леру... У нее своих забот предостаточно с защитой ее диссертации, а тут еще погоня за ней – мужа или бывшего бойфренда, давно помогавшего ее?... А тут еще их трехмесячный тайный роман, в бурном процессе которого не только аспирантка, но и профессор потерял, как мальчишка свою буйную головушку...

«Боже мой, – думал Брагин, – как часто мы считаем себя хозяевами своей жизни, своей судьбы, научной карьеры, но приходит любовь, всемогущая и безумная, смешивающая все на корню, когда уже сам не понимаешь до конца, где твое счастье, а где твое несчастье... Является ли любовное счастье продолжением твоего семейного несчастья, развороченного быта и бытия, или твои бытовые несчастья являются продолжением счастья сжимать в объятиях эту чудную гибкую змейку, сомневаясь во всем – поцелует ли тебя змейка или укусит? – только все равно нет без этой змейки ни жизни, ни творческой удачи, ничего доброго и удивительного на свете... Боже мой, какой ты странный и нелепый гость на этой зеленой планете, когда сам на стыке своего личного счастья и несчастья, приносишь несчастье близким и родным, вроде бы хочешь из всех сил сделать счастливой единственное и самое желанное в мире существо по имени Лера, – и уже сомневаешься, сделаешь ли ее счастливой, раз ее счастье будет покоиться на несчастье твоих жены и детей, на несчастье ее бывшего жениха... – он улыбнулся мысленно. – И даже на несчастье ее бойфренда... Но все мы ходим под Богом, не зная, что Он нам уготовит завтра, какие такие счастье и несчастье... И все же ради мига любви можно сказать: пусть они будут крохи несчастья, если сегодня вдруг, по сути, ни за что, выпало счастье, любить любимое дорогое, самое желанное существо в мире, обнимать его... Пусть временный гость я на планете, но ведь случилась любовь моя, но ведь влюбился, и даже назло всем обстоятельствам, всем злым мистральям тоски и разлуки влюбил в себя... Значит, ходя под Богом, зная свою временную участь, есть шанс еще что-то сотворить эдакое, чтобы Господа не разочаровать в том, что он способствовал появлению твоего, появлению ее на свет божий...»

– Лучше бы нам с тобой не просыпаться... – голосок ее журчал чистейшим ручейком и падал каждой своей живительной капелькой на сердце Брагина. – Или вовремя проснуться и очухаться – это тоже знак?..

Немного подумав, произвольно сжимая и разжимая кулаки, он ответил тихо и спокойно:

– Лучше вовремя проснуться и очухаться... И вообще... – Он хотел сказать «и оценить степень опасности», но благоразумно промолчал. – И вообще, утро вечера мудренее...

Подумал про себя: «Когда она уснет, я прочитаю, какая там информация записана на флэшках... Впрочем, утро вечера мудренее... На ночь Лермонтова читают, а не злобредные случайные флэшки». Прилег на свое ложе и выключил светильник над своей головой, когда она потушила свет своей лампочки.

Глава 8

Они долго молчали, думая каждый о своем. Ушли, растворились куда-то перестуки колес, шорохи, будто все вокруг окрест на сотни и тысячи верст стало воздухом, небом, и не стало вокруг них, ни осенней теплой тверди, ни лесной или речной хляби, ни шелеста леса, ни гула набегающих встречных поездов, полустанков, платформ, ни ночных приглушенных звуков полян вблизи и издали. Наверное, сон не шел ни к кому, если в какое-то мгновение он в перестуке колес уловил ее девичий журчащий голосок.

– Я все-таки проголодалась...

Он ответил не сразу, раздумывая: в ресторан уже поздно, да и открыт ли вообще этот вагон-ресторан. Машинально посмотрел на часы. Было уже два часа ночи. И ему, как ни странно, совсем не хотелось ни спать, ни есть...

– Ты слышишь, Жень, я сильно проголодалась...

– Что?

– Ничего... – Она поняла свою оплошность. Несколько раз после их объятий она называла его «Женей». Как-то само ложилось на язык в истоме это имя. Он ее уже раз или два поправлял: «Меня уже никто так давно не зовет. Только в детстве мама. Отец всегда называл Евгением».

– Прости, пожалуйста... – нежно прошептала Лера. Ей было неловко за допущенную оплошность, опять окликнула его детским именем, которого он терпеть не может. Она же долгое время пыталась называть его Евгением Михайловичем даже в постели, когда, таясь и прячась от посторонних глаз, приходила к нему в московские гостиницы, а потом на квартиру его друга-коллеги. Он сам предложил: «Называй меня Евгением – или тебя что-то смущает в моем имени? Не самый лучший? Не самый первый Евгений? Так не волнуйся, с тобой буду и самым лучшим, и самым первым...»

– Проехали, милая... Спать не хочешь

– Я проголодалась, безумно проголодалась, Евгений...

Только сейчас до него дошло то, что обязано было дойти до сознания мужчины, растворившимся в тишине неба окрест, когда исчезли шумы и шорохи окружающих их тверди, хляби, всего-всего. В объятиях юницы он забыл обо всем на свете, а надобно кое-что и вспомнить. Хотя бы то, что в суматохе отправления он и не думал закупать вино и яства для купейного пира, поскольку были определенные планы на ресторан... Но все же, все же... «Ее ночной голод так естественен... Вряд ли ей интересно, что нет этого голода у меня, только и у меня этот голод может пробудиться...»

Снова небо окрест и полный разброд в мыслях: «Так, где же в полночь, тем более, за полночь раздобыть хоть какое пропитание для ненасытной девицы, – угрюмо подумал Брагин, – к проводнику, что ли зайти или в вагон-ресторан наведаться... Вряд ли... Там тоже, наверное, свой график обслуживания пассажиров... Кому охота кочевряжиться в ущерб своему сну и здоровью?.. Да и проводника сейчас не добудишься – какие у него под рукой продукты?.. Пиво «Оболонь» да чипсы... А бутылочку марочного четырехлетний хереса или пятилетней массандровской мадеры можно было бы раздавить с юницей... Только где они, мои любимые херес с мадерой в два-три часа ночи... А не попытать ли счастливого случая в этом чертовом вагоне-ресторане?.. К тому же после хереса с мадерой по отдельности или совместно аппетит быстро разгуливается... Решено, иду к шеф-повару кланчить херес с мадерой и все что у него съестного под рукой...»

Он решительно оторвал голову от подушки:

– Авось, повезет... Устремляюсь на поиски вина и пропитания...

– Не кажется ли тебе, что наши излишества сопутствуют возникновения чувства голода?

– Наши излишества начнутся только после таможни и пограничного «фэйс-контроля», и то, если таможня даст добро, а пограничники удостоверятся в истинности предъявляемых документов, – успокоил Брагин. – Пока то были не излишества, то был милый семейный добropорядочный, немного старомодный... Как бы это помягче выразиться на сленге?..

– ...Дружеский секс... – подсказала Лера.

– Во-во... – обрадовался подсказке Брагин. – Я всегда поражался твоему умению находить вовремя нужное слово... Хотя мне это словцо всегда было не по сердцу... Уж больно банально и заезжено... Даже прагматичные американцы осатанели от словесного поноса, извини за грубость, – «от занятия сексом», «занятия любовью».

– Подскажи что-нибудь более романтическое, – улыбнулась она и игриво добавила, – после обещанного продолжения «излишеств».

– Непременно, милая, если получится наш ночной ужин... Он ведь проблематичен, честно сказать... Мне страшно неловко: я ведь не подумал о том, что ты можешь проголодаться... Это свинство с моей стороны... Прими извинения с просьбой снисхождения... – Он щелкнул пальцами. – Сейчас я больше озабочен тем, как выцыганить у шеф-повара вагон-ресторана съестное с парой бутылок крымского хереса и мадеры... Знаешь, как хочется расшибиться в мокрую лепешку перед красивой обожаемой девушкой...

– Можешь не утруждать себя ...

– В смысле?..

– Я имела в виду прежде всего твои херес и мадеру... Вот если только красное сухое вино...

Брагин моментально развил тему:

– Несколько лет тому назад... Давно это было, еще при развитом социализме с перестройкой в таком же поезде я пил с одним московским другом удивительное крымское сухое красное вино... Самое лучшее из красных вин, что я пробовал в Крыму, на юге, вообще... «Алушта» марочное называется. Думай обо мне и об «Алуште» хорошо и целеустремленно – и все у нас будет, мы победим... Под доброе красное вино так хорошо пойдет шашлык, на худой конец, любое холодное мясо... Даже цыпленок табака под «Алушту» пойдет – пальчики оближешь от удовольствия...

– От твоих рассказов про «Алушту» у меня желудок разыграл своими разбуженными соками...

– Намек понял, бегу в ресторан... Жди со щитом, то есть с подносом, полным яств... На щите не жди...

– Как это – не ждать?

– Если не накормлю и не напою любимую девушку, – Брагин все же подложил соломки под эпопею с добычей напитков и пропитания, – хотя бы пивом «Оболонь» с чипсами, то повешусь, как записной неудачник, в ватерклозете...

– Хочу «Алушту», – смешливым капризным тоном промолвила Лера. – Нет, просто требую «Алушту». Могу я хоть раз в жизни что-то потребовать от любимого мужчины, раз он шантажирует меня уже полчаса продолжением излишеств... Даже если таможня не даст добро на пересечение границы – излишества быть... – Она бросилась к Брагину на шею, обвилась вокруг него гибким телом с мягкой стоячей грудью и горячо зашептала. – Хочу тебя... Люблю тебя только одного... И буду любить... Слышишь, люблю и буду любить... Вопреки всем обстоятельствам, что пока против нас... Но любовь преодолевает и преодолеет все...

Часть IV

Вагон-ресторан

Глава 9

Уже на подступах к вагону-ресторану он услышал оттуда какие-то неясные звуки музыки – сердце его радостно встрепенулось... Вдруг?... Самое удивительное, что за закрытыми дверями вагона-ресторана бурлила ночная жизнь, гремела музыка. Репертуар был не ах, «блатной шансон», но все же, все же... «Жизнь при разудалом капитализме отечественного разлива в ресторане бьет ключом, и все по голове, – смекнул Брагин, – вальяжно, с достоинством, неторопливо открывая дверь, – однако же». Доставая из футляра свои очки, он успел заметить, что гуляют за тремя столами, уставленными бутылками и снедью, и что из-за одного столика поспешно поднялся молодой крепкий парень в спортивном костюме и, не оборачиваясь на него, удалился в противоположную дверь.

В очках Брагин разглядел бы детально этого молодого мужчину. «Может, это тот хмырь, что бежал по перрону и стучал кулаками в окно, – резанула первая тревожная мысль, – но ведь тогда логично было бы запрыгнуть в поезд и пойти к столь «ненавистному» купе с его пассажирами... Ан нет... Вряд ли... Какой резон вскакивать из-за стола?... Что он ждал меня в три часа ночи по Москве или в два часа по Киеву?... Глупости все это... Не глупость сейчас при работающем ресторане только одно – это раздобыть пару бутылок «Алушты» и соответствующей закуси...»

Машинально заметил, что за парой столиков какие-то бритоголовые братки пробавляются только пивком, а крепко, на широкую ногу гудят только за тем столом, из-за которого выскочил при его появлении высокий парень.

Брагин не стал садиться за столик, а попытался раздобыть у официантки меню и тут же попутно выяснить про «Алушту». Та, озадаченная просьбой, нырнула в подсобку. Со столика, откуда только что выскочил пробкой из бутылки шампанского молодой человек в спортивном костюме, и где помимо его сидело еще трое гуляющих мужчин, раздалось:

– Какой меню сейчас тёмной ночью, утро скоро засветит солнцем, дарагой, какая, панимаешь там, Алушта-малушта... – лысоватый черноволосый красномордый крепыш с легкой сединой, из тех, про которых вольно или невольно повторяют штамп «лицо кавказской национальности», жестом предложил присоединиться к широкому застолью. – Садысь, суда, дарагой, гостем будешь всю ночь, настоящий коньяк пить будэш... Варцixe девятилетний, Енисели десятилетний, Тбилиси пятнадцатилетний... Не прогадаэш, дарагой... Угощаю от всей души... Сочту за честь... Все, что хочешь для тэбя, друг, закажу, ради гостя дарагого и званого на пир...

Брагин с удивлением заметил на их столике, действительно, две полупустые бутылки «Варцixe», початые бутылки «Енисели», «Тбилиси». Брагин понимал толк не только в крымском хересе с мадерой, но и в марочных коньяках многолетней выдержки из Армении, Грузии, Дагестана. На него выжидательно смотрели три пары глаз. Первое «лицо кавказской национальности», судя по лысине, седине, усам и заметному животику был грузином, только в глазах истинного грузина светилась нескрываемая гордость от того, что именно он способен пригласить незнакомца за стол. Где пьют настоящий коньяк – «Варцixe», «Енисели», «Тбилиси» – не чета каким-то украинским, армянским, дагестанским, молдавским. Второе «лицо» Брагин идентифицировал как «чечена» или «осетина». Третьим же за столом был проводник

его вагона, только почему-то не в фирменной одежде, а в засаленном тренировочном костюме с лампасами.

– Увы, – усмехнулся Брагин, – мне заказали срочно принести пару бутылок «Алушты» в купе.

– Бэз всякого «увы», к нам, – отозвался «грузин», – увы-кувы, нэчего стэсняться, познакомимся, пока пэхота командиров охраняет... – Он на правах хозяина показал глазами Брагину на сидящих за другими столиками полдюжины братков. – Всю будэт вэсэло и опытымыстычно...

«Чечен», сухой, подобранный, с сильными мускулистыми руками, мощными борцовскими плечами неожиданно миролюбиво улыбнулся Брагину и без всякого «кавказского» акцента неожиданно похвалил его выбор:

– Это классное вино – «Алушта» марочная, четырехлетняя... Даже почище твоего хваленного «Мукузани», Гиви... «Алушта» прогрессирует, а разлив «Мукузани» в последнее время резко ухудшился – скажи не так, Гиви? – Он снисходительно положил загребушую руку на плечо приглашавшему «грузину». – У них своя компания в купе с девушкой – не обижайся только, Гиви... Знаю, что от всего сердца приглашал... Лично я бы не устоял, даже если мне красивая женщина заказала красное сухое вино и дала мне время на заказ только минуту...

Брагин насторожился при словах про «молодую красивую женщину». Задумчиво, переминаясь с ноги на ногу, вздохнул: может быть от проводника узнали про обитателей их с Лерой купе – кто знает... Искал хоть какую-то логику в словах «чечена», в связи с «заказом на минуту», выбором. «Все мы в жизни чего-то выбираем, – подумал Брагин, твердо зная, что он не сядет за их стол вместо только что ушедшего молодца, да и к дорожному коньяку не прикоснется.

– Жаль, я думал, выпьем за знакомство хорошего вына, каньяка доброго на грудь возьмем. – Тихо сказал пузатый Гиви, встретившись взглядом с Брагиным, в котором светилось неколебимое желание ограничиться в ресторане только «Алуштой», отринув из принципа самодостаточности и самоуважения все дорожные коньяки «на халяву». – Мне в моем приглашении еще никто не отказывал. Но с пониманием отношусь к вашим словам. Просьба красивой женщины – закон для настоящего гордого мужчины...

Подвыпивший проводник согласно кивнул головой в ответ на последний, многозначительный афоризм Гиви:

– Правильно сказали. По существу. Суть уловили, просьба женщины для настоящего мужчины – это закон.

– Да ты поэт, чудила бэз пагон, – похвалил проводника Гиви, – чудила старый на букву «ЭМ».

Честно говоря, Брагин давно не видел сильно квасящих проводников в вагоне-ресторане. Мысленно он даже улыбнулся: ну и черт с ним, с квасящим проводником в ресторане глубоко за полночь. Некая компенсация достоинств и недостатков разудалого лихого капитализма: зато ночью рестораны работают, и можно раздобыть пару бутылок удивительной «Алушты» для юницы.

Последние мысли Брагина были донельзя вовремя и актуальными: к нему подплывала крутобёдрая пышная официантка с парой бутылок массандровской «Алушты» и запрашиваемым меню. Брагин бодро диктовал заказ в купе и попросил если не поднос, то хотя бы корзину. «Конечно, конечно, – проворковала женщина, обрадованная столь значительному ночному заказу, – все будет в самом лучшем виде и скорехонько, присядьте, всё будет сделано».

Гиви внимательно следил за реакцией Брагина, куда он сядет, к ним или за пустой стол. Брагин сел за пустой стол, но неподалеку, напротив.

– Тактично и дипломатично, – прокомментировал его действия «чечен», – не за стол, а рядом, чтобы не уклоняться от беседы, отказавшись от предложенного коньяка... Ну, ладно... Лично я бы тоже так сделал, получив заказ любимой женщины достать во что бы ни стало

отменное красное вино... Не отвлекаться же по мелочам... – Он подмигнул Брагину и перевел взгляд на бутылки коньяка и на проводника, которого строго предупредил. – А тебе, Серега, перед границей хватит...

– Я свою норму знаю, – покорно ответил тот немного заплетающимся языком, – добираю, но не перебираю...

– Маладэц, – похвалил его Гиви с трезвыми злыми глазами, – может, пора тебе и на пакой, дарагой...

– Точно, тебе пора отдохнуть в своем служебном купе, – негромко, но твердо произнес «чечен». – Пора, слышишь, пшел...

Глава 10

Неожиданно для Брагина тот, покоряясь чужой воле, вышел из-за стола, равнодушно махнул рукой, мол, пропади все пропадом, и пошел к двери ресторана, ведущей в их с Брагиным вагон. Пошатываясь, покачивая головой, задевая стулья и столики. Брагин интуитивно просчитал: лучшего времени для жесткого вопроса не придумать. Сделал вслед проводнику несколько шагов, положил руку на плечо и зло шепнул ему в ухо:

– Ты подложил в наше купе под белье флэшки?..

– Какие флэшки? – страшно удивился, если не сказать, ужаснулся тот.

Брагин по его пьяным испуганным глазам понял, что тот и слова такого не знает – «флэшки». Но отступать было некуда, то был такой необходимый редкий «момент истины». Смятением проводника, даже испугом надо было воспользоваться, чтобы приблизиться к тайне флэшек.

– Сам знаешь, какие! – И еще яростней на полном наитии, Брагин ударил резким яростным шепотом, как обухом, по голове проводника. – Кого пускал в наше купе?

У самой двери, в тамбуре, где его уже невозможно было услышать под стук колес и даже увидеть, проводник остановился и тихо, совсем трезвым равнодушным голосом процедил сквозь зубы:

– Только не связывайтесь с ними, бога ради, – резкий кивок в сторону оставшегося далеко позади столика «чечена», Гиви, исчезнувшего молодчика, в окружении крепких охранников братков, «пехоты» – умоляю вас, держитесь подальше от этих козырных субчиков... Не лезьте зря на рожон... У них все схвачено и за все оплачено... Откуда мне знать, что по их воле делалось в вашем купе... До появления там вашей девушки, вас... Я ничего не знаю и знать не хочу... Лишнего не хочу знать, понимаете... Меньше знаешь, лучше спишь и дольше живешь.

Брагин, как ни в чем ни бывало, вернулся на свое место за пустым столиком. Официантка шустро напостила из-за стойки бара:

– Один момент... Оплачивать будете в гривнах, рублях?..

– В рублях, – откликнулся Брагин, – хотите в долларах.

– В долларах безотказней, – подхватил разговор «чечен».

– И на всех зеленых бумажках портрет Франклина... – Оживился Гиви и с саркастичным выражением опытного лицедея спросил. – А не откажите в последней моей просьбе?

– Какой? – сухо осведомился Брагин.

– Захватить в купе красивой женщине пару-тройку бутылок отменного коньяка – на ваш выбор... Мне так хочется сделать приятное лично вам и вашей юной спутнице...

– Нет. – Так же сухо отчеканил Брагин, не отводя глаз от Гиви.

– Мадмуазель и господин предпочитают «Алушту», Гиви, – как можно добродушнее сказал «чечен».

– Хорошо, тогда я хочу в знак знакомства подарить молодой и очень красивой женщине и понравившемуся мне господину ящик «Алушты», – он привстал и сделал жест рукой официантке. – Прими, дорогуша, дополнительный заказ ...

Брагин с удивлением констатировал, что у «лица кавказской национальности» в последнем диалоге совсем исчез акцент. Официантка, очевидно, обладающая замечательным музыкальным слухом, занятая подсчетом стоимости заказа Брагина, не отрывая глаз от счета, ехидно бросила:

– Ишь губы раскатали на ящик «Алушты». Последние две бутылки господин с собой забирает... Настоящее вино всегда в дефиците...

– Видишь, Гиви, оказывается, и в наше смутное время существует еще старинный пережиток социализма – дефицит, называется.

Официантка расхохоталась при словах «чечена», принимая щедрую оплату заказа из рук Брагина, но тут же зябко поежилась:

– Не много ли... Здесь в два раза больше...

– Если не затруднит, еще одну бутылку «Алушты», – спокойно и уверенно парировал Брагин, заранее предугадывая, что его просьба не понравится Гиви.

Та смутилась, но глаз не отвела:

– Одну бутылку можно, а две уже нет... Я для начальника поезда одну бутылку в заначку отложила... Тоже любитель марочного сухого красного...

– Благодарю. Я занесу вам завтра корзину, не волнуйтесь.

Перед тем как выйти из вагона-ресторана Брагин с полной корзиной в руках подошел к столику Гиви и «чечена» и спокойно сказал:

– Если, что не так, прошу извинить. Я никого не хотел обидеть, отказываясь сесть за ваш стол.

– Не любите есть и пить на халяву, профессор? – со злым прищуром спросил «чечен».

– Не люблю, – коротко ответил Брагин, – и никогда не любил. С некоторых пор предпочитаю за все платить сам.

– Не пожелаю поступиться своими принципами, профессор, – надменно, без всякого акцента спросил пузатый Гиви, – гордыне своей потрафили, погнушались полезным, причем явно неслучайным знакомством.... Пояснить мысль?

Брагин промолчал, уловив в словах «грузина» давление, «скрытую угрозу», но отвечать не стал, только весь собрался, напряжился.

– У вас не возникло желания, между прочим, первым делом поискать в вашем купе «закладки» – жучки, разные микрокамеры?..

Брагин отвернул лицо, чтобы не бросилась в глаза краска, прихлынувшая к его щекам. Наверное, почва уплывала у него под ногами, если его сильно на вираже, при крене вагона, словно поскользнувшись на скрежещущих рессорах, качнуло так, что он, чтобы удержаться и не упасть неловко схватился за кончик стола.

«Чечен» заметил это и негромко приободрил:

– Это шутка, в которой нет ничего дурного, кроме шутки... Попытка юмора... Гиви намекнул, что путешествие в своем традиционном СВ он всегда начинает с того, что специальной аппаратурой исследует купе на наличие жучков и камер... – криво и недобро осклабился. – С некоторых пор я тоже следую мудрым советам многоопытного брата, батона Гиви.

– Правильно следуешь, дорогой, – расцвел в улыбке, впрочем, немного вымученной, Гиви, – как говорится береженого бог бережет, а не сбереженного конвой стережет. – А на наличие жучков и мини-камер я бы профессору порекомендовал купе с юной дамой освидетельствовать... Мало ли что – вдруг кто подслушает, подглядит, подшутит, одним словом... Как ты считаешь, Ваха?

– Если, что обнаружите в купе, – холодно сказал «чечен», мы с Гиви в вашем распоряжении. Как говорят в горах, поможем бескорыстно вашему горю. Вашим проблемам уделим внимание...

– Захады, дарагой, в СВ, другам и гостэм будэшъ – оба всэм дагаварымся, всо падабьем, всо подытожим, как жить карошо далшэ...

Гиви, переходя, хохмы ради, на шутовской снисходительный барский тон «лица кавказской национальности, назвал номера купе в СВ – свой и «чечена». Оказывается, того звали Ваха. Они ехали в разных купе, рядом. Поодиночке. За это мысль Брагина зацепилась мгновенно. Надо было прощаться и как-то скрыть ошеломление, если не сказать, потрясение.

Брагин спокойно смерил одного, потом другого твердым колющим взглядом сквозь очки и хорошо поставленным голосом профессионального лектора и ментора немного отстраненно и надменно произнес:

– До свидания, господа, благодарю вас за время, приятно проведенное в вашей теплой компании.

Развернулся и упругим спортивным шагом двинулся в сторону своего вагона. Ему было плевать, что ему говорится или шепчется вслед, плевать, что о нем знают, кто он такой. Плевать на их прошлые и будущие козни вокруг него с их собственными флэшками, жучками, камерами – и все это вокруг драгоценной Брагинской флэшки. Плевать, что им, незнакомцам, нужно почему-то было знакомство, контакт с Брагиным, нужен был его невольный испуг, потрясение. Зато он, гордый и свободный человек, не нуждался в этом. Он предпочитал чуть ли не с самого раннего детства сам выбирать себе друзей и знакомых... Любимых девушек, женщин – тоже, только сам... Свято верил в свой выбор... К чужому несвободному, тем более, насильственному выбору относился всегда с подозрением, с внутренним презрением, если за этим по его интуитивному, провиденциальному разумению стояли корысть, потенциальное зло, опасное иго души и интеллекта...

Обидно было, что он испугался от одной только мысли, что их с Лерой кто-то подслушивал, кто-то подглядывал за ними. И это все до тех пор, пока он не прочитал содержимое подкинутых ему флэшек. В проходе между вагонами, где внизу под плитами гроыхала и скрежетала железная дорога, на жутких рельсах, где не только колесам вагона, но и душе человеческой так легко было поскользнуться, Брагин с полной корзиной в руках, с сожалением подумал вот о чём. Как просто у него из-под ног табуреткой вышибли безмолвное, спокойное небо, оставив ревущие разверзшиеся тверди и хляби нарушенного порядка вещей...

Часть V

Ночная трапеза с сиестой

Глава 11

Лишь у своего купе Брагин взял себя в руки. Несколько мгновений назад оттого, что кто-то пытается им манипулировать, навязывает свою злую волю, шантажирует, как когда-то в далекие забытые времена, ему хотелось завывать от бессилия, изменить все на свете кардинально и легко. Но, тронув заветную дверцу купе, перед тем как заглянуть в бездонные зеленые глаза любимой девушки, он усилием воли согнал с лица тревогу и весело ворвался в купе с улыбкой на устах. За спиной он держал полную корзину, но не торопился похвастаться ее содержимым.

– Теперь и я с радостью составлю тебе компанию в ночной трапезе... Я страшно зол и дико проголодался... Просто жуть, аж рычу от бешенства и злобы на себя, что так долго был без тебя... Соскучился, истосковался без тебя за футбольный тайм, просто невероятно, безумно соскучился – понимаешь?..

– Ты больше соскучился или проголодался?..

– Это неотделимо друг от друга, милая... Я места себе не находил, пока был один...

– Боялся, что меня похитят?..

– Боялся, – тихо, без улыбки сказал Брагин, – а еще боялся, что ты не дожدهшься меня и умрешь с голоду. Или уснешь мёртвым сном...

– Мрачная шуточка, однако, Евгений Михайлович...

– В последний раз ты так звала меня пять лет тому назад... Я же просил тебя ещё тогда – без отчества... Это подчёркивает мой почтенный возраст...

– Прости, Евгений... Это, наверное, глюки с голода... Евгений, я хочу есть, безумно... Хочу напиться и похулиганить... Немного, разумеется... Ты не будешь возражать?.. Готова пить, что угодно – херес, мадеру, даже пиво, на худой конец...

– Впереди у нас целая ночь и полная корзина царской снеди... – Он с рыцарским, куртуазным жестом поставил полную корзину с бутылками и свертками у ее ног. – Ура, мы победили! Ради любимой мне удалась авантюра с тремя, понимаешь, с тремя, а не двумя бутылками марочной «Алушты». Конечно, это не подарок тебе... Ты – подарок мне... А это приложение к подарку и везению... Просто мне с некоторых пор везет с тобой на разные авантюры, которые были немыслимы в годы без тебя...

– Поясни... – она поглядела на него с вызовом. – Мне даже страшно, что со мной ты связываешь какие-то немыслимые в прошлом авантюры...

– Потом, милая, потерпи до Гурзуфа. Там узнаешь о самой блистательной интеллектуальной аванюре. – Он мягко улыбнулся и нежно положил ей голову на колени.

– Мы же лопнем, если все съедим и выпьем, – она вынырнула из-под простынки и вертела в руках бутылку «Алушты» с рубиновым вином, – какая прелесть, но мы же не выпьем все три бутылки.

– Ты плохо знаешь меня, да и себя тоже не знаешь толком. Главное, только начать трапезу и подчиниться потрясающим мировым законам чревоугодия и дегустации настоящего вина... – Брагин ловко доставал из корзины снесь и сервировал стол. – На правах удачливого добытчика этой царственной корзины, организатора нашей ночной сиесты умоляю тебя не ограничивай себя ни в чем... Будь смела и раскована...

Брагин оборвался на полуслове, он хотел добавить нечто вроде «в дегустации божественного вина, которое ты будешь пить впервые в жизни», но Лера поняла его слова по-своему, она

выпорхнула из-под простынки в своем невесомом пляжном халатике, кокетливо посмотрела на него и со словами – «Жарко, душно неумоготу. Чертов кондиционер не работает, чертово окно не открывается» – моментально сбросила халат, обнажилась и села за стол, «ню» Ренуара, как ни в чем не бывало.

Брагин с вымученной улыбкой подумал о том, что красивые женщины часто неправильно трактуют слова занудливых мужчин, пускающихся в глубокие философии на мелком месте. Но было уже поздно. Не заставляй же Леру снова запахивать себя в халатик. А ведь Брагин на полном серьезе хотел обследовать свое купе на предмет наличия жучков и микрокамер сразу же после ночной трапезы или чуть-чуть попозже. Он заскрипел и поиграл желваками на щеках, но сдержался.

Он не сказал Лере ни слова предостережения, покоряясь судьбе, плюхнулся на свое застеленное ложе и сосредоточенно стал откупоривать бутылку «Алушты». Перспектива жить хотя бы несколько часов с оглядкой, «молчать в тряпочку», опасно поглядывать на обнаженную Леру, как будто их подслушивают, за ними подглядывают, выбивала и колеи, казалась ужасной. Вместо того, чтобы наслаждаться трапезой и обществом самого желанного существа на свете, ведя с ней куртуазные беседы на отвлеченные темы, ему приходилось имитировать голод и ограничиваться немногосложными тостами «за здоровье», «за счастливое путешествие» Леры.

Где-то в середине молчаливой трапезы она странно спросила его:

– Что-то не так... Что-то случилось?..

Он буркнул неохотно:

– Что-то в этом роде, не подпадающем под определения случая. Случайность – это нечто из разряда возникшего, появившегося непреднамеренно... Так, между прочим, «кстати» происходящее...

– А здесь нестати?..

– Не обращай внимания, милая, ты ведь за время нашего знакомства должна быть приучена к моим невыносимым перепадам настроения...

– Ну, скажи, наконец, что не так не мучай... Ведь знаешь, я все пойму... Тебя смущает, что я раздета, а ты одет – не так ли? – Она тревожно посмотрела на него и с каким-то горьким осадком тихо промолвила. – Ты даже почему-то стараешься не смотреть на меня... И глаза твои не горят огнем страсти, как раньше... Как час или два тому назад, когда ты пугал меня излишествами сиесты после ночной трапезы... У тебя есть дурное предчувствие?..

Он неохотно покачал головой, но ничего не ответил. Поднял бокал с вином и произнес тост:

– За тебя, за твоё здоровье!

– Ты уже повторяешься...

– Напрасно, сегодня все тосты за тебя и за твоё здоровье. За здоровье никогда не поздно, не раз и не два и не три выпить...

– От полдюжины подобных тостов женщины осатаневают... Сколько же их упившихся алкоголиков-собутельников с бесчисленными своими тостами за собственное и чужое здоровье

– Ловлю на слове... Твоё здоровье мне не чужое... И ты мне давно не чужая, совсем не чужая, самая что ни есть родная и близкая... – Твердо, со значением произнес Брагин, доливая в чашки вино из второй почти порожней бутылки «Алушты». – Последняя бутылка всегда особая, и тосты под нее должны быть особые... За любовь... За вечную любовь возлюбленных... Если не успела загадать желание, загадывай; так всегда полагается, когда пьешь новое отменное вино... Кстати... – Он сделал многозначительную паузу. – Ты ни словом не обмолвилась о вине – как тебе оно?..

Глава 12

Внимательно, взглядом исследователя или, скорее, опытного следователя он сквозь очки оглядел потолок, при этом осторожно, как бы между делом, вывинчивая пробку из последней бутылки. Надо же, и не заметили, как под его дорожные тосты «за тебя», «за здоровье» выпили пару бутылок отменного марочного красного сухостоя. И уже финишная прямая ночной трапезы перед сиестой. Он немного охмелел, может, потому, что подливал себе вина гораздо больше, чем Лере, может быть, потому, что она совершенно спокойно и естественно сидела напротив него неглиже и ничего на свете не боялась... А чего он, собственно, боится, что за ними наблюдают, их слушают, пишут на видео?.. Может, так, а может, и не так... Может, кто-то назло ему делает все возможное и невозможное, чтобы вывести его из состояния покоя и душевного равновесия перед завтрашним его выступлением на конференции, презентацией его программ с демо-версиями...

Она с легким колебанием тоном прорицательницы спросила:

– Ты с таким усердием разглядываешь потолок, как будто подозреваешь, что туда инфернальные силы вмонтировали видеокамеру, чтобы вывести из себя... – И тут же без передыха, смотря прямо Брагину в глаза. – А я с тобой наедине ничего не боюсь, тем более за закрытыми дверями... Впрочем, притуши свет, задвинь жалюзи... – И уже мягче, нежнее, женственнее. – Я уже не голодна, наоборот, насытилась до неприличия... Все заповеди нарушила: не наедаться перед сном, выходить из-за стола с легким чувством голода... Какое там чувство голода? Ужин, действительно, был чудесный... Столь же чудесный, сколь и плотный... Я тебе благодарна за все – он удался... А твоя «Алушта» – просто сказка... Никогда не пила такого чудного потрясающего вина... Можно я теперь произнесу тост – за тебя?

Брагин покачал головой:

– Сегодня все тосты будут только за тебя, Лера... Так мне хочется... – В чашки он разлил по новой вино из третьей бутылки. – Прости, если что не так...

– Снова за мое здоровье?..

– Нет.

– А если девушка уже пьяная?..

– Я тебя никогда не видел пьяной...

– Так за что же тост, Евгений?

– За нашу любовь и за тебя в этой любви! – Чокнувшись и пригубив вина, он спросил ее. – Помнишь, как мы пять или шесть лет тому назад по твоему почину выпили на брудершафт?

– Помню...

– А низенькую каморку помнишь свою – в Дивноморске? Она была без единого окошка, а ты ее называла по-своему, девичьей светелкой... И еще... Как я пытался там распрямиться и затылком чуть не пробил потолок... Шишку огромную, страшную набил – помнишь?..

– Я помню все, чего ты уже не помнишь...

– Я ничего не забыл, и ничего не забуду...

– Ой, ли...

– А представь себе – именно так...

– Я хочу, чтобы целовал и ласкал меня, как тогда в первый раз... – Она взяла его ладонь в свои руки. – Помнишь, как все начиналось?.. Начиналось умопомрачительно – помнишь?

– Боже мой, конечно, все помню...

Во время ночного пира он, несмотря на внутреннее напряжение ни словом, ни намеком не обмолвился о ресторанном инциденте, о сцеплении фактов ударов кулаками по окну и ресторанного шантажа. Он был сосредоточен на своих опасениях, немногословен, но все равно не мог оторвать глаз от нее, обнаженной и естественной в своей наготе, от её восторженных,

немного пьяных от вина или от любви очей. Он без видимой причины часто снимал и надевал свои очки, разумеется, без очков видел ее не совсем четко. Без очков, немного не в фокусе, она виделась ему даже более возбуждающей, сексапильной, дико-чувственной. И оттого его угрюмость и тревога то ли от красного доброго вина, то ли от вида столь же нежной, сколь и чувственной женщины, улетучивались, как пар, как дыхание. В первый раз, наверное, в жизни он был так неразговорчив с фантастической, обожаемой женщиной, что сидела напротив него. Но и в молчании, вынужденных односложных тостах была своя ночная прелесть: он мог мало или ничего не говорить, зато смотрел на нее, нет, после первых двух бокалов вина просто пожирал ее глазами. Как она его безумно влекла и притягивала, если бы кто знал. Страстные блестящие зеленые глаза, матовый лоб женщины-мыслителя, распущенные волосы до плеч, до кончиков грудей, чудная, блуждающая магическая улыбка, журчащий голос из мягко очерченных уст с белоснежными зубами, – все это таило в себе гармонию, притяжение, призыв, чувственную негу... А он, чудак, чего-то боится, что их подслушивают, что за ними подглядывают – плевать на подслушивающих и подглядывающих... Все равно они видят не то, что он... Подглядывайте, подслушивайте, плевать... Он ее любит, и она его любит... Разве это недостаточно для простого человеческого счастья? Тонкая талия, пропорциональные бедра не девочки, а женщины, и к тому же роскошный упругий бюст, созданный для поцелуев – разве это не счастье лицезреть всё это во время трапезы перед новыми поцелуями сестры в ночи? В этом свидании, на которое она пришла голой и раскованной, забыв про все условности, назло и наперекор всему, было нечто запредельное... У Брагина кружилась голова и отлетало прочь испорченное в вагоне-ресторане настроение, тревога, печаль улетучивались, на душе гремели победные литавры... Как им не греметь, если у его прелестницы напротив такие стоячие, удивительной формы грушевидные груди, словно не подчиняющиеся закону всемирного тяготения. Не спадающие, не обвисающие, как у некоторых... А крепкие и упругие, как на каких-то гибких мягких пружинах внутри, необычайно задорные и возбуждающие... Он, не таясь, пожирал взглядом выстреливающие из кончиков грудей розовые пульки, больше предназначенные для поцелуев, нежели для кормления ее будущих младенцев молоком материнским. Вся она была создана для любви, неги, диковинного наслаждения, для утонченных ласк. Но, может быть, потому, что все ее существо, весь зыбкий облик, не фокусировались, немного двоились и троились в его подслеповатых глазах, ему виделась скрытая от всех непорочная чувственность, нерастраченное обаяние девичества, энергетика самоотдачи в любви, а не в похоти...

Брагин закрыл глаза, с трудом оторвавшись взглядом от ее груди, и подумал, что когда-то пять лет тому назад она такой же ночью, в таком же сентябре сидела на его коленях и целовала его. Если его, действительно, пишут на видео, он не предоставит им, «пишущим», таких откровенных кадров. Как тогда, когда «все начиналось». Шиш вам с маслом, давитесь слюнками от вожделения... Кстати, тогда пять лет тому назад все равно продолжение «после начала на коленях» было под простышкой в ее низенькой светелке...

Брагин освободил свою ладонь из ее теплых рук, поцеловал ее пальчики, затем без лишних слов выключил над своей головой светильник. Задвинул резко, до конца жалюзи. Она последовала его примеру, выключила на своей стороне свой светильник. В полной темноте, без всякой одежды, сняв окончательно очки, он легко, как пушинку, взял ее на руки. Она доверчиво прижалась к нему, обхватила двумя руками его за горячий столб мощной шеи...

Они привалились на «ее» ложе, как тогда в камерке-светелке. Только она с удивлением спросила, когда поверх простынки он укрыл их одеялом:

– Не жарко будет?..

– В излишествах жара не ощущают... – утешил он ее, и нежно проводя своей ладонью по ее щекам, обнаружил, что они все мокрые от беззвучных слез. – Ну, что с тобой, родная, чего ты плачешь, глупенькая моя, единственная моя?..

– Почему мы не остались тогда вместе?.. – прошептала она ему в ухо. – Почему нас надолго развела судьба безжалостная?..

– Не надо, милая, об этом... Когда-нибудь я тебе все объясню, что не мог я быть тогда с тобой... Может, ты все поймешь и простишь... Только не надо плакать, а то я и сам заплачу...

– Я и сама редко плачу... Я не хочу, чтобы ты меня запомнил плачущей... Мне столько надо тебе выговорить, а вместо слов горлом слезы идут... Не знаю даже, кого больше жалею – тебя и себя, беззащитных?.. Не поймешь до конца – счастливых или несчастных?..

И были они снова рядом, голые и беззащитные, как перед концом света, двое несчастных и бесконечно счастливых существа, молодая свободная женщина без комплексов и вдовый немолодой мужчина; и в сладостных долгих, мучительных объятьях им было безумно счастливо и тревожно, и боялись эти влюбленные только одного – лишь бы не оборвалась их ночная сиеста, не оборвалась бы их счастливая ночь резким неожиданным стуком проводника перед пограничным контролем и таможней...

Брагин знал, что будет дальше, он так был рад ее полетом... Ибо она, как на духу, призналась как-то ему, что узнала о сладостной способности «летать» и летает только с ним, буквально взрывается вся изнутри и летит без всякого напряжения и мучительного ускорения куда-то ввысь, может, в неведомый астрал, приобретая невесомость и летучесть плоти вслед за летучей душой. Как все «это» ему уже хорошо знакомо и невероятно дорого: ее стесненный слабый всхлип, приглушенный стон, когда она отлетает в сладостной разрядке ставшим вдруг невесомым телом, и тут же всем своим существом полностью вырубается. Как он при это старался охранить ее во время ее вырубания, лёта... Даже произносил мысленно слова молитвы ли, заклинания: лишь бы только ее во время короткой или длительной отключки, в бессознательном, беспомощном состоянии не вспугнули, не встревожили, не испугали извне. И как он, тревожась за нее, а иногда даже сердясь и чертыхаясь, что так надолго вырубается и выключаются, полностью отключаются, напроць от всего окружающего мира, вместе с ним, с его оказанной любовью... Он никогда сам не тревожил ее, не тормозил понапрасну, зная с ее же слов «психологическую изюминку» любимой. Это же так здорово: вдруг увидеть звезды и улететь к ним... Это он, Брагин, в эти мгновения жил по земным часам, а она-то в своих улетах жила по звездным, никому не ведомых...

Глава 13

Она уже после «улетов и прилетов» сладко посапывала в его объятьях, а он очумело, без всякого желания пошевелить хотя бы одним пальцем вспоминал, как быстро пролетели эти пять-шесть лет со дня их первой встречи, первой чудной сестры в Дивноморске.

«Она тогда предстала в своей юной обжигающей красоте такой победной и умопомрачительной. Ей было тогда всего двадцать, а мне уже сорок... Она свободная, незамужняя студентка – а я? Жена, дети... Она и тогда с первой же встречи, с первого появления перед моими глазами опьянила меня... И сейчас после временной пятилетней пропасти в бешеном нашем романе пьянит меня еще сильнее, чем раньше, сильнее, чем выпитое красное сухое вино марочной четырехлетней «Алушты»... Это фантастика... Это чудо из чудес... Пусть она способна расточать свободные ласки всем существам мужского пола, но она в этой свободе совершенна, естественна и беззащитна... Какая разница, у нее двадцатилетней кто-то был до меня, какие-то связи, бойфренды... Но как она приворожила меня, присушила к своему сердцу... Она считает, что я ее влюбил, а я-то знаю, что это я первым в нее влюбился, как мальчишка бесшабашный, в нее, еще двадцатилетнюю...

А сейчас я люблю, обожаю ее, двадцатипятилетнюю, и никому никогда не отдам... Боже мой, как все запуталось в моей и ее жизни... Она невероятно свободна и независима в нашем бурном романе... Она добра и беззащитна в нашей тайной любви... И потому ее любовь, нашу любовь невозможно никому оскорбить или обидеть, сглазить... Она совершенна в своей чувственной красоте, но ведь к тому же она удивительная умница из умниц... Я за три последних «романных» месяца удивительного общения с ней понял одно. Ее внешняя красота только отточила ее недюжинный ум, совсем не девический, ум привел в движение интеллект с потрясающим нераскрытым потенциалом... Умная, интеллектуальная женщина красива вдвойне и втройне, когда физическая красота накладывается на душевную, на порыв, прорыв чудесную острого пронизательного ума... Какой я везунчик, если и с вином добрым мне сегодня повезло – для нее... И в конце концов шантаж и угрозы не выбили из седла... Как мне повезло с ней, фантастически красивой и естественной... Слава богу, что со мной она такая же, как в студенческие годы, как будто ничего не изменилось – годы ничто в сравнении с нашим не угасшим чувством... Только что же мне делать? А вот сразу же после своего доклада, после презентации своих программ, наверное, скажу... Обязательно скажу, чтобы она поняла, почему я не остался с ней пять лет тому назад... Тогда, сразу же после смерти жены я бы предал детей, передав в руки мачехи, чуть ли не их сверстницы, должно бы быть какое-то время паузы, памяти о матери детей, чтобы не предавать никого, ни мёртвых, ни живых... Лера что-то поняла, но наверняка не все. Когда-то надо объясниться. И я завтра ей все расскажу после доклада... Может, сейчас в пути?.. Она должна все знать, непременно... Она все поймет, раз она так раскована, свежа, смела, любима – бесконечно любима... Может, наш роман, наша с ней любовь – это взаимный подарок, который мы берегли друг для друга всю жизнь? Кто знает, много не сберегли, ту же свою невинность, а искренность, прямоту, честь в высшем понимании этого слова, значительно сильнее чести как невинности сберегли... Боже мой, за что мне такой подарок? Если бы не она, ее смелость и красота, я бы никогда не совершил свой научный рывок, интеллектуальный прорыв в неведомые дали – тогда бы не было ничего, той же моей фантастической бесценной флэшки с алгоритмами и программами, новых открытий и изобретений...»

В дверь осторожно постучали. Проводник напомнил о приближении границы. Брагин так не хотел, чтобы ее будили, что наши, что украинские пограничники с таможенниками. Ее и не разбудили. Брагин предъявлял ее паспорт, показывал глазами на спящую Леру, и разводил руками без лишних слов, мол, что с них взять с влюбленных юниц-аспиранток, которых размо- рило в дороге. Его только с пониманием спрашивали по ту и по эту сторону российско-укра-

инской границы – «у нее кроме личных вещей ничего нет?» – и он, молча, кивал головой – «ничего, кроме личных».

И рожденная в немного затуманенном вином мозгу мысль веселая разгоняла все тревоги и печали: «Сугубо личное, потаенное, что возникает между женщиной и мужчиной под грустную мелодию любви, слушаемую только ими, превыше всего обезличенного, пошлого, вычурного, что напоказ, что во всеуслышание». Она проснулась уже после пограничников и таможенного досмотра.

– Мы где? Близко к цели?

– Неважно, где, важно, что мы с тобой, Лера, в движении. Цель – ничто, движение – всё, как формулировали смысловые начала жизни философы...

– А мне приснилось, как мы с тобой ласкались в моей хибарке у моря в Дивноморске, куда я тебя затащила на решительное ночное свидание. Ты мог тогда подумать обо мне – чёрт знает, что. Хороша легкомысленная студентка тогда была, когда решилась на любовное свидание с женатым мужчиной. Что бы ты обо мне мог тогда подумать... – Лера закрыла глаза и покачала головой. – Не в моем характере было заводить любовников, тем более женатых... И с детьми взрослыми... Это было сродни преступлению, как наваждение....

– Да, это было наваждение, – отрешенно подтвердил Брагин, – я ведь тоже в твоих глазах должен был выглядеть, по большому счету мерзопакостно. Еще бы, человек, верный муж и отец, обожающий своих детей, наставник-воспитатель их в жизни, изменил в первый раз своей жене.

– Слушай, я тогда подумала об этом, но не решилась спросить тебя...

– Как будто жены не было вообще – так?

– А она была... Ты мне тогда ничего о ней не говорил, а я и не спрашивала... Ничего лишнего... А сейчас спрошу, можно?

– Да, можно, спрашивай.

– Почему ты ей изменил со мной?

– Я ей не изменил, потому что её уже не было на белом свете. Не хотел вносить траурную ноту в отношения с тобой. Но раз ты спросила, отвечу, какие-то тёмные обстоятельства, подстава инфернала, перед самой её смертью, подвигли её к тому, что она нагло мне изменила, за что-то мне мстя по чужому дьявольскому наущению... А потом мне клялась детьми, что никакой измены физической не было... Валялась у меня в ногах, клялась и божилась всеми святыми, что не изменяла... Мне потребовалось время, чтобы собрать все неопровержимые доказательства измены супруги... И когда я собрал все доказательства в единый файл, перед предъявлением их жене, в процессе оформления развода, ухода из дома, вот тогда она и умерла незадолго до того, как я и встретил тебя... Вот я и выглядел в твоих глазах женатым мужчиной, будучи фактически вдовцом, а мог бы предстать и разведенцем, при каком-то развороте событий, обманутым мужем... Дальше ты догадываешься, что бывает в подобных случаях...

– Не очень-то я догадливая, особенно, охмелевши, – призналась с почему-то серьезным лицом Лера, – если удобно, то хотелось бы узнать хоть какие-то подробности...

– Дьявол всегда в деталях, подробностях, – усмехнулся Брагин, – был бы долгий мучительный развод по моей инициативе. – Так полагается у русских мужиков, у которых жена прокололась. Иначе трагическая и одновременно смешная судьба всех несчастных рогоносцев, обманутых мужей...

– Какая судьба у них? Я не поняла... Ты говоришь загадками о неверных женах и их мужьях-рогоносцах...

Брагин дернул щекой поморщился и прорычал:

– Рогоносец... cuckold начинает с когда-то любимой женой заново строить жизнь, выяснять отношения и детали полученного на стороне нового сексуального опыта, а потом подглядывать за ней из шкафа, когда она занимается сексом с ублюдком-любовником с двадцати,

а то и с 30-сантиметровым фаллосом, вот такие перспективы у простивших жен рогоносцев, «каколдов». Говорят, безумный мужской кайф подглядывать за сексапильными кончающими под любовниками неверными женами... Читал об этом и видел видео на эту тему в зарубежных отелях, между прочим... Но я до этой стадии «подглядывания» за неверной женой не дошел... Просто прикасаться к ней не мог, физически было противно, как будто оскверненное изменой женское тело трупный яд выделяло... Это ужасно и просто всё, русские изменников и изменщиц отсекают, одним словом, развод и девичья фамилия ее... А до развода жена умерла – ты встретила с вдовцом, а потом мы с тобой по независящим от нас обстоятельствам долго не виделись...

Он хотел пояснить Лере, что его жена первой начала читать его дневниковые записи со стихотворными набросками, чтобы больше знать о своём муже, о его неизвестной тёмной стороне его жизни исследователя-экспериментатора. Но не было никакой тёмной стороны, только лаконичные фразы о командировочных впечатлениях и стихи на тему поисков смыслов истин, никому не нужные и никому на свете не читаемые. Потом уже Брагин случайно наткнулся на дневник жены как доказательство измены с хорошим знакомым. Потом застукал их. Нет, сначала застукал жену с любовником, а потом уже наткнулся на ее дневники как доказательства измены...

Но кому рассказывать историю про неверную жену, к тому же давно умершую, раз тебя уже не слушают, а спят. С раскрытым от удивления ртом, свернувшись калачиком, Лера уже безмятежно спала и видела, наверное, свои первые сны пассажирки поезда Москва-Симферополь...

Часть VI

Утро воспоминаний и перспектив

Глава 14

Солнечным счастливым утром, когда их с Лерой поезд катил по украинской земле, Брагин, нежно, с легкой грустинкой смотря на свернувшийся, сладко посапывающий комочек под простынкой напротив, вспомнил об их давней первой встрече... Удивительной встрече...

Тогда в морском лагере «Витязь», на Дивноморской базе Таганрогского радиотехнического института под Геленджиком в таком же теплом роскошном сентябре проводилась международная конференция по интеллектуальным системам автоматизированного проектирования в электронике и вычислительных системах. Были времена, когда докладчиков и слушателей сюда приезжало за сотню, а то за две. В тот год все было как-то камерно и по-семейному, без излишней помпы – «слоновника» докладчиков и слушателей не было и не предвиделось. Какой «слоновник» исследователей, когда всю вузовскую и академическую науку давно подкармливают по остаточному принципу, а в остатке остаются на все, про все только «рожки да ножки». Немногочисленные пленарные и секционные заседания проходили в крохотной библиотеке лагеря. Все семинаристы друг друга знали, как облупленные, и все наперечет, по пальцам... А тут перед самым закрытием конференции, на доклад Брагина приходит совсем юная, никому неизвестная девица – с ногами от ушей, в обтягивающих бедра шортиках, маечке, обнажающей проколотый пирсингом пупок, и бейсболке... И даже задает докладчику вполне профессиональные интересные вопросы, а потом втягивает профессора в острейшую научную дискуссию. Семинаристы с облупленными носами ахают, охают от восторга, кто оттого, что маститого профессора чуть в лужу «культурно и нежно» не посадили, а кто от самого бурного непредсказуемого процесса разгоревшегося спора, какого здесь давно не слыхивали.

Девицу просят представиться, конечно, не за наглость наехать своими вопросами на докладчика, втянуть известного доктора, профессора в жаркую дискуссию без оглядки на степени и звания. И тогда Брагин, как каменный морской утес, принявший на себя первый удар зеленой волны в брызгах и гуде разгоравшегося шторма, впервые с удивлением услышал ее имя. Зеленоглазая волна имела имя и фамилию, причем носила фамилию хорошо известного Брагину, умершего еще в советские времена профессора-математика. И эта залетная волна, оказывается, уже окончила три курса мехмата МГУ, была и явно «в теме» и доклада, и прикладных вопросов. К тому же эта зеленоглазая волна, вместо того чтобы приступить к занятиям на четвертом курсе университета, приехала на две сентябрьские недели бархатного сезона в межвузовский пансионат рядом с «Витязем».

Редко такие экземпляры студенческого и даже аспирантского и преподавательского разлива встречалось по жизни Брагину чуть ли за четверть века участия его в подобных научных конференциях, семинарах. Студентка по льготной профкомовской путевке приехала на заслуженный отдых в пансионат, где московский Физтех имел определенную квоту для своих студентов и преподавателей. Потом выяснилось, что у Леры была путёвка от Физтеха, которую достала дочери её мать, профессор математики МФТИ. Вместо того, чтобы на пляже греться, Лера пришла слушать заинтересовавший ее доклад Брагина по теме своей исследовательской работы. Брагин спросил схлестнувшуюся с ним в споре зеленоглазую волну, мол, откуда та узнала про семинар по САПР и тему его доклада. Спросил со скрытой иронией, обращенной не столько к иногородним семинаристам, а больше к сотрудникам и аспирантам организаторов конференции. Ибо тех с солнечного пляжа удалось выманить только тем, что выступает

их известный московский коллега, специально из воспитательных соображений подстроивший свое выступление в последний день заседаний. Ответ студентки был прост: случайно прочитала название доклада на двери их столовой, когда приходила в гости к подруге.

«Все бы так вдумчиво, внимательно и целенаправленно читали, – буркнул тогда Брагин, без всякого желания читать нравоучения, – все бы имели таких хороших подруг и друзей здесь, было бы больше пользы для интеллектуального развития личности и всего научного сообщества, работающего в сфере высоких технологий».

Но делать было нечего. Обычно перед обедом научные дискуссии семинаристов имели обыкновение продолжаться на пляже. И Брагин широким жестом пригласил всех желающих пройти из душной библиотеки на берег моря – и там в купальных костюмах продолжить дискуссию. И только здесь на общем пляже «Витязя» и пансионата Брагин неожиданно для себя понял, что он уже несколько раз видел эту зеленоглазку и может попасть с ней в двусмысленное положение.

Вот в чем было дело... Был ближний, буквально рядом с «Витязем» и пансионатом пляж и был дальний, в полутора-двух километрах от «Витязя» – для нудистов, «натуристов», с чарующим названием «Голубая бездна». Так вот Брагин видел зеленоглазку и на дальнем пляже, и на ближнем, на первом – в полном неглиже, на втором – «топлес». Всего-то их было, раз, два и обчелся на ближнем пляже, загорелых пляжных девиц – «топлес» – предпочитающих загорать без лифчика и держащихся малость особняком от остальных, ведущих себя индифферентно и надменно по отношению к мужскому обществу. И одной из таких девиц была Лера.

Брагин чувствовал тогда, что помрачнел лицом от одной иезуитской мысли: «Вот сейчас стянет майку бойкая студентка, и поминай как звали... Выноси святых и сворачивай пляжную дискуссию... Семинаристы, чтобы в рот ее глядеть, уставятся... Знамо дело, куда и на что упрутся – на высокую голую грудь...» Но как-то обошлось, девица не оголилась, увлеченная спором. А там и вовсе под конец разговора все закрутилось и завертелось, ускорилося и завихрилось. Девчонки из пансионата вклинились в разговор с напоминанием Лере: «Ты не забыла, что сегодня выборы «мисс лагеря»?». Мол, тебе надо то-то и то-то, пятое и десятое, сейчас же срочно с тем-то и тем-то связаться – и прочее, прочее...

Лера извинилась за сорванную дискуссию в самом интересном месте, сорвалась бежать, но перед этим, покрывшись стыдливым нежным девическим румянцем, неожиданно пригласила Брагина вечером на танцплощадку пансионата, в трех шагах от «Витязя» – на традиционный, в каждой смене отдыхающих конкурс, «выбор мисс». И Брагин вечером в небольшой компании своих коллег пошел на этот конкурс, и, сидя на зрительской трибуне, нисколько не был удивлен, что «королевой красоты и интеллекта» была выбрана Лера. Она и остроумно отвечала на какие-то вопросы жюри, и классно танцевала, и пела под гитару, и читала стихи обожаемого Брагиным Лермонтова, вообще, была умопомрачительна и бесподобна, что в своем купальнике, мини-бикини, что в бальном вечернем платье...

Случился и смешной инцидент уже после объявления имен призеров конкурса. Один из чем-то возмущенных зрителей, как выяснилось потом, какой-то доцент-философ из Уральского политеха, подошел к микрофону и объявил, что жюри не надо было устраивать соревнование в интеллекте, танцах, артистизме и прочем.

А объявить победителей лишь по одной номинации «мисс грудь», раз в конкурсе, по его просвещенному мнению и наблюдению места в первой пятерке заняли только девушки, знаменитые на пляже тем, что они предпочитают на пляже купаться и загорать – «топлес». Он поднял грозно вверх палец и громко повторил, мол, не на нудистском пляже, а на обычном, так сказать, «общественном».

Намек был прозрачен: жюри клюнуло на «нескромных топлес», которым место среди нудистов-натуристов, и сильно обделило «застенчивых скромниц», «общественниц». Среди зрителей возникли первые волны недоумения и даже возмущения, шум. В возникшей нераз-

берихе к микрофону плавно подошла Лера и, сняв с головы изящную корону, обратилась куртуазно к доценту, протягивая ему переходящий приз: «Пожалуйста, вручите эту корону той участнице, которая достойна ее, по вашему мнению, в большей степени, чем я».

Тот вытаращил глаза на Леру и промямлил: «Ну, что вы, против вас я не имею ничего против». Он галантно поцеловал ей руку и жестом отстранил протянутую ему корону: «Она ваша, и ничья больше». И уже грустнее и беспомощнее: «Только зачем обнажаться? Может, не надо, тем более, уважая свободу выбора и взглядов других?» Она пожала плечами и спокойно ответила вопросом на вопрос: «А может, надо уважать свободу выбора всех, а не избранных, тем более, здесь, не на северном полюсе, а на юге, на теплом море?..» Волны смеха и возгласы поддержки первой мисс смыли вниз со сцены философа доцента и вознесли ввысь королеву красоты...

А потом, уже избавившись от ленты «первой мисс» и короны королевы, сразу же после окончания конкурса, в грохоте ритмов традиционной вечерней дискотеки Лера подошла к Брагину и пригласила его на танец. Тот замялся, но коллеги стали его подначивать – как-никак королевам, первым мисс не отказывают. И Брагин не ударил лицом в грязь в лихом танце с королевой. Вспомнил студенческую молодость, все-таки, неплохой в прошлом спортсмен-перворазрядник, сумевший сохранить спортивно-танцевальную форму и в свой «сороковник».

Глава 15

Как-то само собой получилось, что с одной дискотеки они с компанией пошли на другую, в кафе через заболоченную речку, сбегавшую в море; только во время перехода через мостки коллеги Брагина и Лерины подружки куда-то улетучились и в кафе на набережной они пришли одни. Там пили шампанское «от Голицына». От разговоров на узкопрофессиональные темы быстро перешли на общие, к литературе, поэзии, к тому же Лермонтову... Это же его край, его героев, того же Печорина... Удивительные перескоки с науки на поэзию, с поэзии на математику, алгоритмы оптимизации... Тонкие, небанальные мысли и рассуждения умницы математички... «Надо же, ведь с ней есть, о чём можно поговорить. Она свежо и независимо мыслит, к тому же тонко чувствует не только потаённую прелесть математических алгоритмов оптимизации сложных систем, но и чудные возвышенные переливы строк и строф поэзии для души и сердца скорее, чем для холодного аналитического ума». Брагин был в восторге от ее не по годам развитого интеллекта исследователя алгоритмических тайн оптимизации и удивительной тонкости и чувствительности при восприятии природы поэзии, скрытой от равнодушного взгляда и холодного аналитического ума.

Брагин радовался чуду живого пронизательного ума девицы-математика и удивительной тонкости суждений и ранимой чувствительности душевного поэтического восприятия мира вообще и поэзии, в частности, Леры. Они, словно забыв про время и темень, наслаждаясь научной и одновременно поэтической беседой, долго бродили по ночной набережной и полупустынному берегу моря. Теплая сентябрьская ночь с лунной серебристой дорожкой на зыби моря пьянила и бодрила. Кругом никого, ни малейшего звука, ни даже всплеска волн. Последнее любители ночных купаний ушли с берега или затаились в прибрежных зарослях кустарника.

У одного валуна Лера остановилась и стала почему-то рассказывать, что в темноте ночью ей несколько раз с трудом удавалось находить свою одежду при выходе у моря. Теперь она уже опытная ночная купальщица, раз всегда выбирает опорные точки – камни, скамейки, лежаки, лодки. Она даже не попросила Брагина отвернуться, пока изящно снимала с себя одеяния и складывала на большой камень. Брагин не мог оторвать взгляд от нее, когда она неспешно входила в серебро лунной дорожки: ее красивое упругое тело, с тонкой талией и круглым крепким матовым задом казалось вылепленным мастеровитым скульптором из драгоценной изящной слоновой кости – и цена скульптуры должна быть просто баснословной.

Она махнула рукой Брагину и нетерпеливо вскрикнула, словно догадываясь о его нерешительности – «идемте, вода, как парное молоко!» – и он стал торопливо раздеваться. Они заплыли, не разговаривая, рядом по лунной дорожке. Ну, о чем в море можно говорить – не об алгоритмах же с формулами и прочей белиберде. Она, словно щадя Брагина, вышла на берег первой, точно напротив валуна с их одеждой. Он за ней, быстрее к плавкам, к шортам. А она, с точеной фигуркой из редчайшей слоновой кости, словно инстинктивно гордясь своею природной девичьей красотой и свободой распоряжаться жизнью и судьбой так, как ей хочется в этот чудесный миг, ничего на свете не стесняясь, не замечая даже смущающегося мужчины, с бессознательной смелостью выжимала копну тяжелых волос.

Прохаживалась взад и вперед, грациозно ступая по острым камням, разводя руками, запрокидывая голову. На Брагина – ноль внимания, фунт презрения. Иногда оно проходила рядом с ним, окаменевшим, и он изумлялся странным запахам: от нее пахло морем, водорослями, телом юной русалки, и его безудержно влекло к ней. Было полнолуние и оттого удивительно светло и столь же волшебно в лунном пронизывающем свете. «Луна меня завораживает, как будто колдунья какая, – прошептала она, – а на вас не действует». – «Вряд ли, – в тон ее прошептал Брагин, – а зря». – «Почему зря, – спросила, не понимая смысл сказанного, она, –

зря почему?». – «Я бы сейчас тоже хотел, чтобы меня она заколдовала немного, как...» – «Как меня, – подхватила она, – но я немного замерзла».

Громадная, невероятно яркая луна стояла на звездном небе, освещая залив, каменистый берег, их двоих, отбрасывающих зыбкие дрожащие тени. В ложе заболоченной запруженной речки неподалеку от берега звенели цикады. Брагин усмотрел, как за ее спиной, за речкой с гулом цикад, упала сентябрьская звезда... Столько лет он не стоял ночью вдвоем под луной, под звездами, столько лет не загадывал на упавшие рядом звезды... И здесь с ней не успел загадать... Все было так неожиданно: и луна, и звезды и эта девушка так рядом, так близко, что он чувствовал ее дрожь – от холода или желания?... Нет, больше от холода и волнения ее...

Он хотел предложить ей свою джинсовую рубашку и даже чуть наклонился, чтобы взять ее с валуна, но она, словно догадываясь, что будет именно так, сделала шаг навстречу, закинула руки ему на шею и прикоснулась своей холодной, как мрамор, как слоновая кость, грудью к его горячей волосатой груди. Потянулась губами к его губам. Он резко притянул ее к себе и, чувствуя ее всю-всю, до капельки, поцеловал. Поцеловал ли первый или вернул ей поцелуй?..

Она сама положила его руку себе на грудь – «ты же видишь, мне безумно холодно». Она по-прежнему сомнамбулой стояла голой под ярким светом луны, словно находясь под ее колдовской ворожкой, и целовалась, целовалась, как помешанная на поцелуях, с цепной реакцией судорог тела.

Наконец, она сама надела на себя его джинсовую рубашку, сгребла свое вечернее платье королевы, положив его в пакет. Взяла Брагина за руку и повела с голым торсом вслед за собой. Тот ничего не спрашивал и ничему не удивлялся, они шли от моря по улочке в противоположную сторону от ее пансионата и «Витязя». У одной из калиток она шепнула: «Только не шуми, осторожней, здесь под ногами и под крышей всякая дрянь... наклони голову... В моей камерке тебе придется перемещаться в три погибели. – Потянула легко за руку. – Иди за мной и ничего не бойся... Так надо... Так суждено...». – «А я ничего и не боюсь, – ответил он, – откуда ты взяла, что я из боязливых...»

Так они перешли на ты... В камерке и правда надо было перемещаться в три погибели, такая она была крохотная и низенькая... Она шепнула ему в ухо: «Я осатанела от лагерного режима... От соседок, к которым пьянь козлиного племени ходит каждый божий день в любое время суток... Я же вольная птица – хочу летать и вести себя свободно и независимо – ни от кого и ни от чего... На последнюю неделю перебралась сюда, в частный сектор... Через три дня я уезжаю». – «А я послезавтра». – «Так чего же мы медлим, у нас в запасе только эта ночь, завтрашний день и вечер – я не права?» – «Еще завтрашняя ночь, – сказал Брагин, – две ночи равносильны разверзшейся вечности». «Только чего загадывать и заглядывать вперед, ценить надо каждый узелок мгновения настоящего... которое становится прошлым и определяет своим несказанным светом будущее...»

Она договорила фразу уже в постели в его объятьях... Перед тем как расточать безумные свободные ласки, ничего и никого не боясь на свете... Она вся уже горела в желании ласк и безумств молодости, но шепнула, словно утопающей хватаясь за соломинку: «Только не торопись... И я не буду никуда торопиться... У нас в запасе целая ночь, равная целой жизни, целой судьбе... Просто время иногда страшно, невероятно сжимается... Ласкай и будь нежен со мной... И еще... Ничего не оставляй во мне... Иначе мне труба... Не хватало еще залететь, загреметь под фанфары в абортарий... Один раз, моя близкая подруга, оттуда выкарабкиваясь, полжизни оставила там... Только если я в какой момент в самый разгар ласк вырублюсь, отключусь, ты не пугайся... Но и не оставляй меня одну совсем, когда я... Я могу потеряться и не найти дороги назад – к тебе... Тогда ты меня совсем потеряешь... А это ужасней всего: потеряешь, еще не найдя, не поняв меня... И знай, что я ещё не летала, но чувую, что я способна летать, только с тобой...»

Он уже не слушал ее слов ли, бессмыслицы ли, бреда ли, безумно ласкал и целовал ее всю-всю, зная, что, хоть убей его на месте, ничего в ней не оставит, ничего внутри от него не будет, чтобы она не выкарабкивалась в испуге из бездны никогда, никогда. И были ее и его бесконечные страстные и нежные ласки и объятия, сопровождающиеся ее стонами, укусами, новыми легкими судорогами, поверхностными пограничными взрывами... Только это все было преддверием новых глубинных ее взрывов и истечений.... Он с удивлением обнаружил, что, презирая все опасения и предосторожности, она еще во время предварительных ласк, начинает постанывать все громче и яростней, а дальше пуще... Стоны сладострастные сменились всхлипами и протяжными трепетными вскриками, их уже нельзя было заглушить ничем, даже наложением мужских ладоней на распахнутый рот, удивительно красивые пухлые чувственные губы... Она стонала, как плакала и плакала, как стонала, приговаривая беспомощно – «это все ворожея луна, колдунья старая и беспощадная... для нас в полнолуние...»

Она позволяла делать ему все с собой. И он позволял делать ей все с собой, помня о ее просьбе-заклинании – «ничего не оставлять внутри ее». Брагин с ужасом слышал, ощущал физически, что где-то рядом в соседних домах за заборами кашляли и переговаривались разбуженные ею стонами и вскриками люди и что на ее трепетные стоны и вскрики отзывались своим жалобным воем в соседних садах дворовые собаки. Ему даже показалось, что все живые существа, от кошек и собак до лягушек и цикад откликаются на ее стоны и вскрики, поскольку не отозваться, не откликнуться на такой вопль души и плоти девицы невозможно... Только разве можно было осадить ее, сказать нечто осуждающее, оборвать ее стоны и вскрики каким-либо запретом или силой, – все это было бы противоестественным, кощунственным по отношению к ее прорвавшейся невесте откуда чувственности, страсти, а в конечном итоге, потрясающей до глубины нежности, неги, отрешения от всего сущего, окружающего их...

За миг до того, как он раздавил куда-то в сторону свое бешеное напряжение и чудовищное наслаждение, она напряглась, как пружина и тут же разжалась, обмякла, «сдулась», как напружиненная велосипедная камера от чувственного прокола, обессилив вся в его объятиях с последним бесконечно блаженным стоном-плачем на устах. И тут же отключилась, потеряла сознание. Он гладил ее по щеке, по волосам, нежно дул на нее, не давая ей летящей в небо, к полной луне и дальше к звёздам упасть, вывалиться из его рук...

Глава 16

Откуда Брагину было знать, что ему суждено в эту ночь увидеть несколько ее отключек, равносильных глубокому обмороку, мгновенному глубокому, как нокаут, сну. Но она после обморока и нокаута, «улёта» внезапно пробуждалась в его руках и снова была готова к новым откровенным разговорам душа в душу, новым поцелуям и ласкам между и поверх откровений. Помраченный первым потрясением ее рассудок, все ее существо требовали новых любовных глубоких потрясений. Может, откровенные разговоры, тайна соблазна, когда никто из двух, стискивающих друг друга в объятьях, не знает толком, кто кого соблазняет, кто начал соблазнять первым, а кто поддался этому соблазну, живо откликнулся на бесхитростную провокацию и соблазняет еще более изощрённой. Наверное, так обновляются новыми чувствами и чудом любовных таинственных откровений, когда ни о чем рациональном, узкокорыстном не задумываются. Как не задумываются о будущем, не вспоминая прошлое, живут лишь мигом настоящего, в котором нет ничего кроме прелестей и роскоши взаимного соблазна и обновления всего и вся в новом, необычном и потрясающем душу и плоть чувственном опыте.

После какой-то очередной, самой длительной по времени ее отключки, после ее, как показалось Брагину, бесконечного вырубца, улёта, он по-настоящему испугался за нее, да и за себя тоже... А вдруг не удастся вернуть ее «оттуда», из звёздной бездны, в которую она угодает по собственной, а не по чужой воле, что ему делать-то... В какую больницу, какую милицию бежать, чтобы спасти ее и самому сдаваться с повинной?... Во время отключек у нее на лбу и на губах выступали крошечные дивные капельки пота, он их слизывал с губ и лба своим шершавым языком и поражался странному чувственному запаху, который пьянил и возбуждал его сильнее, чем все вина и напитки, духи и ароматические масла, которые он пил и вдыхал.

О чем же они говорили, о чем он расспрашивал ее в тесных объятьях на узенькой кровати в ее светелке между ее отключками? Начиная спрашивать издали, а все равно осторожно скатываясь к тому, чтобы вывести, было ли такое с ней раньше. Она отрицательно качала головой, но тут же шептала о предчувствии своем. Ибо верила в свой природный талант предощущать, познавать наперед внутренним чувством, если не сердцем и душой (ибо женщин-интеллектуалок с логическим, математическим складом ума она называла бессердечными и бездушными), то особым сугубо чувственным с явной эротической окраской ожиданием чего-то назревающего, предстоящего из недр прошлого и текущего настоящего.

С удивлением Брагин узнал, что Лера пошла по стопам отца, засекреченного спеца по автоматическому управлению и большим сложным системам, хотя мать, тоже математик из академического института, вузовский профессор была категорически против выбора стези дочери. Она возбужденно шептала Брагину в ухо:

«Знаешь, каков был главный аргумент матери, когда она стояла насмерть, чтобы не отдавать меня в шестой класс самой лучшей и престижной математической школы Москвы, потом отговаривала поступать на Физтех на факультет управления и прикладной математики, где она сама преподавала на кафедре высшей математики?... Ты сейчас обхохочешься. Мамаша еще при живом отце неоднократно за чайным столом рассуждала на тему, что вернее и точнее всего сексуальную одержимость математичек отразил роман и фильм «Семнадцать мгновений весны». Там сексуально озабоченную математичку, пытающуюся оберштурмбанфюрера Штирлица прямо из-за стойки бара или ресторанного столика затащить к себе в постель, играла полногрудая Ульянова, из Таганки... Поскольку мамаша фрагмент романа Семенова об одержимых математичках цитировала для меня неоднократно, доказывая их женскую ущербность, когда секс идет от головы, а не от сердца, то я это запомнила на всю жизнь... Слушай на память, слово в слово... «Девка была пьяная, толстая и беспутно красивая. Она все время шептала

Штирлицу: «О нас, математиках, говорят, как о сухарях! Ложь! Мы в любви изобретатели! В любви я Эйнштейн! Я относительна и безотносительна! Я хочу тебя, седой красавец!» Мамаша считала, что Ульянова и Семенов, разумеется, тонко отразили комплекс неудовлетворенности женщин с математическим складом ума. Логическая изобретательность, фантом и ирреальность чувственности и, конечно тяга молоденьких математичек к седым красавцам профессорам и академикам... Ведь по ходу романа, несколько раз упоминается о породистом «профессорском» лице Штирлица...»

Брагин тогда просто обомлел, как с ним, «седым красавцем» запросто разделились с эпатажной естественностью юности эта веселая умная девица: и над своими «комплексами Электры» надсмеялись, и над породистым профессорским лицом «седого красавца» потешились – и все это с вызовом и азартом, остановившись перед тайной предчувствия ее вырубов и отключек. И все же он гораздо больше ее, околдованной полнолунием, был очарован уже ею, Лерой, свободной и раскованной, не стесняющейся своих внутренних зажимов и комплексов, девичьей чувственной и интеллектуальной экстравагантности...

Брагин только осторожно обозначил тему девичьих романов на примере той же математички с пышной грудью в ипостаси Ульяновой, когда та в Швейцарии пыталась соблазнить Штирлица, а тот послал ее в свою машину – «иди и начерти пару формул» – ибо в голове его были более важные шпионские дела. И она живо откликнулась на шутку с романом, более важными дела интеллектуалов-шпионов «с профессорским лицом». Она спокойно рассказала обо всех своих девичьих романах, которые можно пересчитать по пальцам одной руки, вина, прежде всего, свой математический склад ума, повлиявший на гиперсексуальное познание мира. Она обнимала его и даже в чем-то каялась: «Мне ведь предстояло сделать выбор: либо утвердить себя в независимости от особой мужского пола через фантомные образы самоудовлетворения, либо получить опыт полноценного гиперсексуального познания себя в мире, мира через естественную чувственность...»

Брагин уже не подгонял ее мысль, мысль сама, естественным образом развивалась и трансформировалась в новые образы и формы. Но прежде всего поражала, просто потрясала молнийными выпадами из грозового неба ее разящая искренность и прямота. Никто не требовал полноценного учета и детализации ее девичьих романов, – так лишь лукавые намеки на них. Так на тебе, получи полную выкладку с распечаткой. Какого черта знать ему о ее первых опытах сексуального познания себя и мира, так на тебе – о раннем желании самодостаточности и неуязвимости от влияний и оскорбительных поползновений «козлиного, мужского». Девичьих гимнов самоудовлетворению Брагину еще никогда не приходилось слышать – так на тебе, слушай... Даже о том, что она через своих школьных ухажеров пыталась попробовать наркотики, – пожалуйста, слушай... Ах да, здесь снова скрытая логика... Может, были ее отключки еще до «мужеских романов»? А она со внутренней усмешкой, словно издеваясь над смыслом невысказанного вопроса и сомнения: «Никогда и ничего подобного до тебя, до этого дня не было, – и уже жалостливей и беспомощней, – вот и от тебя я попала в зависимость, полетела, как бабочка, на пламя свечи, чтобы насладиться вспышкой и сгореть... в последние времена...»

До логики и философии «последних времен», когда плотская любовь, чувственность, секс, словно сорвались с катушек, далеко ушли от заурядных комплексов тургеневских девушек с косами 19 века, да и от мятежных комплексов минувшего века двадцатого было нечто глубоко личное и сокровенное со всей энергией искренности и прямоты. В лучшей математической школе Москвы, в классе юных вундеркиндов и потенциальных гениев в Леру влюбились два первых ученика – Гарик и Игорь. Впрочем, Лера тут же поправилась, что она была совсем не третьей ученицей, вслед за своими юными поклонниками и обожателями – она всегда было вне конкурса, вне конкуренции... Как никак первые места на московских и на международных математических олимпиадах победу одерживали не первые ученики, а она, Лера, либо делила

первые места с ними... С Гариком в выпускном классе ее первый, далеко не платонический роман, потом чтобы досадить Гарику, её тайная связь с влюбленным в нее Игорем, наконец, в перспективе помолвка с Игорем, будущим аспирантом МГУ с факультета ВМК.

Брагин отлично запомнил ее горькие слова про несостоявшихся гениев: «Главные вундеркинды школы, что Гарик с Игорем, что я, грешная, математическими гениями так и не стали... Пока... Или совсем... Для меня это быстро выяснилось на мехмате, уже к третьему курсу, для Гарика и Игоря – на факультете вычислительной математики и кибернетики. Увидев у себя на мехмате, а потом на Физтехе более ярких и талантливых ребят, я не взревновала и не выпала в осадок, как некоторые, тот же Гарик, в меньшей степени, Игорь... Я просто решила сосредоточиться и раскрыться в этих последних временах, когда распад и разрушение являются признаком первичности, все остальное вторичное и третьестепенное... У меня всегда было предощущение в этих последних временах не только невероятной чувственности, которой не надо стыдиться, но и раскрытия через откровения любви и страсти своих скрытых, не разбуженных возможностей интеллекта... Потенциал чувственности, к радости или сожалеению выявлен... и раскрыт, благодаря тебе... До этого было время проб и ошибок... Со всем другим, с тем же интеллектом все гораздо сложнее... Я же знаю, что тебе невозможно быть со мной – все порвать и быть после этой ночи вместе... Разве не так?..»

Она говорила тогда сущую правду, ничего не зная про него, про его внутренние зажимы и внешние тиски этих «последних времен». Почему-то Брагин вспомнил тогда напрочь забытого Толстого, только не Льва, а Алексея о «последних временах» – перед первой мировой войной, революцией, губительным потрясением России: «тогда люди сами выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными». Брагин к определению «пресными» от себя добавлял «ничтожными и бездарными». Лера не подпадала под ранжир «красного графа». Ибо в последних временах конца 20-го и начала 21-го века, она не выдумывала себе пороки и извращения, ради анти-пресного «оживляжа», наоборот, рвалась изо всех своих девичьих сил к искренности, душевной прямоте, любви, наконец. Она всеми фибрами души чуяла в себе предощущение, что она прорвется из своей явно надуманной ничтожности и бездарности со всеми их комплексами и запутанными узлами, к утерянной, как ее казалось, в детстве математической гениальности и природной чувственности дитя человеческого, обзываемого снисходя и походя «вундеркиндом». А Брагин и сам втайне надеялся, что его случайная встреча с ней, эта сумасшедшая ночь и его самого подвигнет, на интеллектуальные подвиги и свершения в значительно большей мере, чем на сексуально-чувственные.

Он ничего не говорил в ту сумасшедшую лунную ночь о себе, семейных тайнах гибели жены, об осиротевших детях. Но, невольно задумавшись о них, он при резком подъеме с узенькой кровати в светелке набил себе страшную шишку на голове, чуть не пробив затылком крышу. Она рассмеялась: «Вот и лечиться время пришло нам обоим с шишаками». Лечились оба, как и положено, в дальних пеших путешествиях, на целый день, в кафе Джанхота и Геленджика, сухим красным вином, шампанским. Лере понравилась жемчужная ниточка бус на лотке в приморском парке Геленджика. Брагин вызвался тут же купить бусы и подарить ей. Лера заупрямилась: «Пошлее не может быть – подарок как плата за сексуальные услуги». Брагин растерялся, но тут же взял себя в руки: «Помнишь, ты рассказывала, что чуть не попробовала наркотики». – «Помню, чуть было не прирастилась к ним». – «Что же тебя остановило? – Брагин с трудом подбирал слова, – что-то ведь должно остановить тебя, что давало или могло дать больший кайф». – «Да ты прав, кайф от наркотиков был, – она грустно улыбнулась, – гораздо больший, чем от занятия любовью в выпускном классе школы и на первом курсе университета с Гариком и Игорем». – «Почему же ты не подседа на курево, на иглу, – напирал Брагин, – кто-то подсаживается, а ты нет». – «У меня было предощущение, что любовь даст мне гораздо больше, даже в плане чувственного кайфа, чем наркотики, вот что, – выпалила

она с еле сдерживаемой внутренней ненавистью ко всем обстоятельствам вокруг нее, вокруг Брагина, – и я оказалась права, нет, любовь всегда права, она сильнее всего и победит все...»

Брагин тяжело вздохнул и прошептал ей прямо в глаза свистящим шепотом: «Тебе придется принять мои условия. Ты примешь это мой подарок согласно старому, как мир, принципу: ты мне, я тебе. Причем наша ночь совсем не причем. Жди». С этими словами он оставил Леру на лавочке, возвратился к лавке с сувенирами, купил бусы и возвратился. Без лишних объяснений он повесил ей на шею бусы, закрепил сзади на застежку и сказал: «Ты мне сделаешь одно одолжение. Сегодня на дискотеке познакомишь сына моего таганрогского друга-профессора с какой-нибудь из твоих многочисленных подружек, выбери на свой вкус симпатичней и сексапильней... Первой мисс не откажут ни будущая невеста, ни сам жених». Она ответила кивком головы и только тихо вскрикнула: «Сын твоего друга-профессора, что, подсел на наркотики, раз ты его хочешь излечить любовью, сексом?» Брагин только выдохнул: «Не будь злой, безжалостной к несчастному отцу... Я верю в любовь и ее излечивающие все хвори плотскую ипостась... Поняла?.. И не будь злокой». – «Да нет во мне ни капли злости». – «Так зачем тогда так зло говоришь о его случайной наркотической зависимости? Ты сделаешь то, о чем я тебя попросил?» – «Конечно, непременно...» – «Ну, слава богу, договорились». – «Я, надеюсь, сделаю правильный выбор будущей невесты, даже буду свидетельницей невесты на свадьбе сына твоего друга, буду гулять на его свадьбе в этих твоих бусах, поздравлю счастливых его родителей». – «Твоими бы устами мед пить». – «Вместе на свадьбе этого сына меда будем пить, Женя». – «Только никогда больше не называй меня Женей... Если Евгений тебя не устраивает...». – «Устраивает, Евгений, мой светлый фатальный гений!» – «Не к месту определение, словцо «фатальный», – пробурчал тогда Брагин, – а так все путем, благодарю за понимание моей нижайшей просьбы. Лично я никогда не притрагивался к наркотикам, зато с первого года аспирантуры серьезно занимался развитием дара дегустатора вин». – «Это я поняла, что в винах и любовных практиках ты хорош, Евгений, совсем с ума девушку после вина свёл в своих объятьях – не знаю, как это тебе удалось, фатально это или не фатально?»

Глава 17

Пока она еще не проснулась, перед тем как открыть жалюзи и в утреннем поезде «Москва-Симферополь», Брагин, наконец, решил на голубом экране своего смартфона прочитать содержимое флэшек. Он не торопился и не волновался, прилаживая гарнитуру и переходник к флэшке и думая о ней, посапывающей рядом Лере: какие же у нее удивительно нежные, мягкие, пухлые губы... Сейчас и тогда в Дивноморске, в ее низенькой светелке, где он набил себе шишку на затылке... И почему-то его потрясала до глубины души солоноватость этих губ, когда по щекам, по губам ее текли слезы... Тихие, беззвучные слезы на пухлых, безвольных, немного подрагивающих губах... Словно губы что-то хотят сказать тайное и глубокое, что лежит на доньшку сердца, души, но не смеют – оттого не лепет, а трепет, дрожание их и слезы на губах... Словно он в чем-то виноват – в слезах, солоноватых, вздрагивающих губах, что-то готовых прошептать, но не шепчущих, только по-детски наивно-обиженно и горько вздрагивающих.

На первой флэшке в один гигабайт он прочитал предложение: «Господин Брагин, вас найдут после презентации Ваших программ с демо-версиями, чтобы окончательно договориться с Вами насчет покупки и передачи Ваших программ и алгоритмов в фонд интеллектуальной собственности ЗАО «Омега-минус». Сумма в 450 тысяч долларов (по Вашему усмотрению долларов или евро), думаем, Вас устроит. С уважением, Ваши потенциальные партнеры и доброжелатели».

Вторая флэшка памяти на 16 Гб таила в себе уже предостережение и даже угрозу: «Господин Брагин, затягивая процесс продажи ЗАО «Омега-минус» Вашей интеллектуальной собственности, не предоставив в ее распоряжение в указанное время твердых копий Ваших программ и демо-версий, Вы способны навлечь своим упрямством непоправимые беды не только на членов вашей старой семьи, но и на новую семью, строительством которой вы так усиленно занимаетесь последние три месяца. Убедительная просьба скопировать нужную нам информации на предоставленные Вам носители после получения аванса в 30–50 процентов (по Вашему особому усмотрению) в Гурзуфе. Искренне Ваши Доброжелатели».

Что оставалось ему делать в набравшем полный ход поезде «Москва-Симферополь», как не углубиться в чтение Лермонтовского «Фаталиста» и ожидать пробуждения ото сна Леры, на страже которого он в угрюмом сосредоточении стоял уже с самой границы.

Раскрыв глаза, Лера и застав Брагина за чтением томика Лермонтова, она с горькой улыбкой сказала:

- Я знаю, что ты читаешь, «Фаталиста», – я и сама его вдруг захотела перечитать заново.
- Я знаю его почти наизусть... но люблю перечитывать...
- Я тоже... Только без твоего «почти» – от начала до конца, от первой буквы до последней точки...

– Когда-то и я «Фаталиста» знал наизусть. Впрочем, для меня самое главное и решающее в новом прочтении или в перетряхивании своей памяти, удивляюсь всегда одному моменту.

– Какому моменту?

– Каждый раз, углубляясь в строки «Фаталиста», нахожу что-то сокровенное, тайное, иногда даже опасное... Соответственно моменту...

– Я тоже... Я тебе, Евгений, расскажу о Вуличе, если ты примешь одно мое условие, всего одно...

– Какое условие?..

– Узнаешь прямо на платформе Симферополя... Надо еще доехать...

– И уничтожить оставшийся от ночной трапезы провиант... И вообще с первого шага на крымском полуострове успокоиться...

– Ты немного не в себе – что-то случилось?..

– Хотят успокоиться, не потому, что что-то случилось, а потому, чтобы ничего хотя бы в самом обозримом будущем ничего плохого и неожиданного не случится.

– Ты говоришь загадками, тайнами.

– Не более чем ты со своим Вуличем.

– На этот раз ты попал в точку – действительно, с моим... Это человек нашего рода, нашей семьи...

Он вопросительно поднял на него глаза:

– В смысле?

– Ну, мы же договорились, что ты примешь мои условия прямо на перроне Симферополя. Ты, правда, так и не сказал, примешь их или не примешь, как всегда, уклонился.

– Посмотрим, как карта ляжет, – в философическом раздумье усмехнулся Брагин, может к тройке и семерке твоего предложения как никогда не хватает туза моего согласия. Посмотрим...

Часть VII

Троллейбус к морю

Глава 18

На перроне к ним подошли два бритоголовых хорошо одетых молодчика, и один из них обратился к Брагину:

– Профессор, вас и вашу спутницу приглашают в автомобиль представительского класса.

Брагин узнал этих молодчиков, он их видел в вагоне ресторана, лениво потягивающих пиво за соседними столиками, неподалеку от стола, где шикавали Гиви, Ваха. Брагин сухо спросил:

– Позвольте полюбопытствовать, кто приглашает нас в машину?

– Председатель совета директоров и президент закрытого акционерного общества «Омега-минус». Они, как и вы, направляются в Гурзуф на международную конференцию...

– И для них забронированы номера в том же Гурзуфском военном санатории, где проводится наша конференция, как и у нас...

– Откуда вы это знаете, – удивился другой молодчик, – действительно, это так, я сам вчера бронировал эти апартаменты...

– Спасибо за приглашение председателя и президента, но, к сожалению, вынужден отказаться от такого лестного предложения, – так же сухо и буднично сказал Брагин, – думаю, пояснения причин отказа излагать излишне.

– Так и передать?..

– Так и передать.

– Было бы предложено, – с легким нажимом сказал первый молодчик, – в любом случае, мне поручено передать, что с вами завтра хотят провести важные переговоры сразу же до вашей презентации...

– Завтра так завтра, – Брагин взял почему-то Леру за руку и легонько сжал ее ладонь, – пусть будет так... Передайте, что завтрашний разговор состоится... – и нагнал немного тумана. – ...Завтра в самый раз, а послезавтра будет уже поздно...

– У вас же забронированы номера, – второй молодчик перевел взгляд с Брагина на Леру, – на весь срок конференции, на пять дней – или у вас поменялись планы?..

– Возможно, поменяются, – отрезал Брагин, – только передайте уважаемым председателю и президенту, переговоры наши состоятся завтра...

– Хорошо...

– Вы сотрудники ЗАО «Омега-минус»?

– Да.

– А не могли бы вы пояснить смысл использования второго слова «минус» в названии вашего акционерного общества после первого слова «омега».

Один из молодчиков, черноглазый амбал, явно из «лиц кавказской национальности» помялся и сказал чисто, без всякого акцента:

– Понимайте так, кто отказывается от выгодных деловых предложений нашего ЗАО, оказывается всегда в минусе, а кто принимает их, тот всегда, так сказать, оказывается в плюсе.

Другой сероглазый амбал, со славянским скуластым лицом добавил:

– Как бы так: «омега» последняя буква в греческом алфавите. Только ведь сказано в Писании – и последние будут первыми. Есть уже какое-то АО или ООО «Омега плюс». Так вот, насчет «плюса», если прибавлять к омеге что-то, все равно бессмыслица получается, буква-то

последняя... А насчет «минуса» – если быстро отнимать от «омеги», по буковке, так легко и быстро до первой буквы в алфавите добраться – до «альфы».

– Да вы философ и филолог, – встряла в мужской разговор Лера, – так запросто раскрыть суть языкового символа...

– Наш бренд уже начинает греметь по всей России, – ухмыльнулся черноглазый, – скоро весь мир под него прогнется...

Простились сухо без положенных в подобных случаях «официальных» рукопожатий. Глядя в спину уходящим ни с чем молодчикам, Лера с заметной, усиливающейся тревогой посмотрела вопросительно Брагину в глаза:

– Тебе что-то не понравилось в их предложении? Я же вижу по тебе – не понравилось.

– Все не понравилось, потому и поедем до нашего военного санатория на такси – идет?

– Но ты же не выслушал мое условие...

– Говори.

– Мы поедем на троллейбусе, рейсом до Ялты...

– Только от трассы до Гурзуфа, до санатория – еще километра три-четыре. Мы придем уже поздно вечером, может, за полночь. Тебя ничто, не смущает, милая? Честно говоря, я не о себе, о тебе беспокоюсь...

– Вещей у нас почти никаких, я, наконец-то, выспалась за целый год, потому и готова к продолжению чудесного путешествия без всякого комфорта.

– Но ведь троллейбус до Гурзуфа будет пилить два с лишним часа, – может, сядем в маршрутку, так хоть быстрее?

– Я не хочу быстрее...

– Почему, – удивился Брагин, – почему троллейбус?

– Разве нам не о чем поговорить, о том же «Фаталисте», о Вуличе?.. К тому же троллейбус – это мое святое воспоминание детства... Я на нем с отцом дважды из Симферополя в Ялту добиралась... Ты же знал моего отца?..

Брагин кивнул головой. Лера взяла его за руку и посмотрела ему спокойно и пристально в глаза:

– Знай, что отец высоко ставил тебя, ценил ещё по твоим аспирантским научным работам. Я тебе это никогда еще не говорила.

– Да, на автореферат кандидатской диссертации он мне отзыв прислал, это было неожиданно, его институт не входил в список рассылки...

– Сколько тебе было тогда, когда ты защищался?

– Двадцать семь ещё не исполнилось...

– Как Лермонтов, – улыбнулась своим мыслям Лера. – А когда доктором стал?

– В неполных тридцать семь.

– Это возраст Пушкина. На автореферат докторской отец не мог уже тебе отзыв написать, его за два года до твоей защиты не стало...

– Едем, Лера, на троллейбусе, раз это тебе памятный знак о любимом отце... Действительно, есть, о чем поговорить... О том же «Фаталисте», например, героях того и нашего свиного времени...

Глава 19

Войдя в троллейбус, заняв место у окошка, чтобы через час-полтора увидеть море первой, Лера тут же всплеснула руками и обратилась к Брагину с неожиданным вопросом:

– Слушай, я как вырубилась мобильник, когда тебя увидела в купе, так и не включала. Что делать?

– Делай, как знаешь, и будь, что будет.

– Да не хочу я говорить и отчитываться, – прошептала Лера и обняла Брагина за шею двумя руками в полупустом троллейбусе, – я так с тобой хотела наговориться, понимаешь. Но стоит включить телефон, так ведь достанут же.

Она повертела телефон в руках и вскоре запихнула его куда подальше, на дно сумки:

– Так-то надежнее и проще, я бы сказала жестче и фатальнее для меня, чем для них, желающих дозвониться, с неопределенностью, не проявленной случайностью... И вообще, пусть будет так, как будет... Чему быть, того не миновать...

– То прелюдия к твоему рассказу на тему «Фаталиста», – спросил с легкой усмешкой Брагин, – на тему героев нашего времени, того отшумевшего и нашего, шумящего?

– А ты, герой моего сердца, фаталист или нет? – переспросила его Лера и отняла руки.

– Здесь подумать надо шибко перед однозначным ответом.

– Не торопись... Я тебе что-то интересное хочу рассказать... Чрезвычайно важное для меня обстоятельство...

– Хорошо, не буду торопиться. Рассказывай. Для этого и сели в троллейбус. Возьми минералки для вдохновения, – он сделал глоток и передал ей литровую пластиковую бутылку, оставшуюся еще от посещения вагона-ресторана.

– Я же говорила тебе, что тоже обожаю всего Лермонтова, и больше всего прозу юного гения, особенно, «Бэлу», «Тамань», «Фаталиста». Так вот о Вуличе и Печорине. Если уж выбирать нам, какой герой кому достанется, то мне – Вулич...

Она заговорила пылко и с напором, которого он давно не видел в ней. Брагин больше всего поразился замечанию Леры, что главного героя «Фаталиста» Вулича 22-летний Лермонтов писал с натуры с некоего Вуича. Он мог бы сказать – ну, и что? – даже при утверждении умницы аспирантки, что на страницах своей рукописи гениальный поэт писал не Вулич, а Вуич. Потом уже в типографском издании Вуич улетучился, уступив место Вуличу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.